Н. Че

Ада

Ника Че

Ада

«Автор»
2013

Че Н.

Ада / Н. Че — «Автор», 2013

Мир второй половины XXI века, восторжествовавший национализм, религиозный догматизм и тотальная слежка. Мир победившего двоемыслия, где нет кино, а есть порнография и пропаганда в равных долях, нет дружбы, а есть социальный заказ, нет литературы, а есть список запрещенных книг. Чем в таком мире обернется любовь?Содержит нецензурную брань.

© Че Н., 2013
© Автор, 2013

Ника Че
Ада

На блёстки дней, зажатые в руке,

Не купишь тайны, где то вдалеке.

А тут и ложь, на волосок от правды.

И жизнь твоя, сама на волоске.
Омар Хайям

«Шли и шли и пели «Вечную память»», – вертелась в голове строчка из какой-то давным-давно прочитанной книги. Каблучок левого сапога то и дело проваливался в грязный серый снег, туда, где подмокший край ковровой дорожки граничил с обочиной. Ада Фрейн шла вместе с людским потоком и останавливалась с ним вместе, постукивала в паузе туго затянутой в кожу ногой по посеревшему от тысяч следов красно-черному ворсу, стряхивая снег. А на следующем шаге оступалась снова.

«И почему не убрали дочиста, совсем?» – думала, зябко кутаясь в черные искусственные меха. Было время и думать и вспоминать – шли медленно, делали несколько шагов, останавливались, ждали. С усилием, там, впереди, проталкивались в узкие двери крематория, перед которыми нужно будет еще подняться по бесконечным ступеням, опираясь на спины и плечи сограждан, повернуть голову, предоставляя жадным зрачкам фотоаппаратов свое печальное выражение лица в идеальном ракурсе, чтобы в завтрашних газетах появиться символическим выражением всенародного горя. Но это не повод для беспокойства – Аде Фрейн удавалось в жизни немногое, но она всегда умела выходить на фотографиях так, как нужно. Потому сейчас с сосредоточенностью маленького ребенка она разглядывала чуть загибающийся край грязной дорожки под ногами, напоминавший, что нужно идти аккуратно. Упасть – когда вокруг столько людей! – не хватало еще. Могла бы держаться ближе к центру, но продолжала идти по грязному краю, чтобы вот так – в стороне от всех. Как стеной отгородиться скорбным видом, прямой спиной и молчанием. Была бы возможность, шла бы последней, отстала бы от этой толпы с ее унылыми, нескончаемым потоком журчащими разговорами. Но как тут отстанешь, если впереди полнеба скрывшая громада крематория, а позади тысячи человек, позади железные ворота. А там, за воротами напирает толпа тех, кто не получил вчера маленькой черной карточки, приглашавшей на прощание в Центральный Крематорий Столицы, кто ждал с самого утра, кому придется довольствоваться смутной надеждой, что под вечер пустят к покойнику. Страшно подумать, как они там мерзли с утра в это унылое межсезонье, когда время года еще само не понимает, чем ему быть: задержавшейся зимой или рано наступившей весной. Там зато плакала бы свободно, и не говорили бы вокруг о ерунде, и там можно было бы остаться одной, совсем одной посреди толпы. Но она была здесь, а не там, и на этом точка. Благодарить усопшего следовало за это, а еще организаторов прощания, включивших ее в список избранных, но то ли забывших, то ли просто не подумавших убрать снег вокруг ковровой дорожки.

Из-за спины раздались – не в лад взятому шествием темпу – дробные быстрые шаги. Кто-то спешил, проталкивался, кто-то умудрялся лавировать в толпе, нарушая мерный ход процессии. Ада уловила краем глаза, что справа из-за спины к ней приближаются остроносые, начищенные ботинки – педантично, ровно, чтобы не оступиться в грязный снег, не споткнуться ненароком. Ниже опустила голову.

– Ада… – Она узнала и голос, и ботинки. Конечно, кто-нибудь обязательно должен был подойти. Но тут не кто-нибудь. Тут Илья Арфов, ее друг, ее менеджер, ее персональный «агент-хранитель», как он сам порой в шутку себя называл.

– Что? – Спросила раздраженно, догадывалась, зачем он к ней спешил.

– Ты как?

– Не пила, – хрипло ответила, не глядя на него. – Тебя же это беспокоит? Как стеклышко. А теперь отвали, Арфов.

– Не злись, – он улыбнулся. Даже не видя его лица, она по голосу слышала, что улыбнулся. Испытал облегчение, не так ли? – Я знаю, ты переживаешь.

– Мы все переживаем, – механически-заученная фраза сорвалась с губ вопреки ее желанию промолчать.

Именно такими банальностями она прокладывала себе дорогу в жизнь, именно с них всегда начинались ее неприятности – не все неприятности, конечно, и глупо было бы думать, что тогда, много лет назад что-то зависело от того, скажет она очередную глупость или нет, но сердце-то защемило. Слишком многое напоминало о прошлом.

Он словно прочитал ее мысли – как случалось с ним довольно часто – и сжал ее руку, неправильно интерпретируя прочитанное – что тоже порой случалось.

– О Вельде думаешь?

И ведь правильно уловил, что дело в муже, не настолько давно она его хоронила, чтобы не вспомнить теперь. Но, конечно, в главном Илья ошибся – она думала об их первой встрече, а не о тех скромных проводах, которые ему устроили. Промолчала, не желая об этом говорить и надеясь, что он куда-нибудь пропадет, просто исчезнет и выпадет из памяти вместе с мыслями о Вельде и необходимостью стоять в бесконечной очереди. Но он пропадать не собирался, существовал рядом необоримым обстоятельством – как и глупая дорожка под ногами, снег по обочине, ее усталость, желание закурить, угнетающее ожидание, невозможность сохранить хоть какое-то подобие личного пространства.

Он знал ее слишком хорошо и тоже молчал, ожидая, и она не выдержала первой – всегда не выдерживала. Заговорила:

– Как там, долго еще?

Такая тоска в голосе – Ада сама удивилась – вдруг прозвучала, что он снова встревожился, захотел поддержать и зачем-то сильно сжал ее замерзшие в тонких перчатках пальцы. Ада подняла голову, посмотрела на него, пытаясь взглядом выразить благодарность, которой не испытывала.

– Думаю, полчаса, не больше. Довольно быстро двигаемся, – оптимистично сообщил он, оживился, замахал свободной рукой кому-то знакомому в толпе безусловно знакомых ему людей. Его заметили – заулыбался, забывшись.

Она снова отвернулась, отдернула руку. В такой момент – и на виду. Как же она сейчас ненавидела это привычное состояние. И хуже всего, что в такой момент и на виду и не одна.

Но время шло и шло, и они шли шаг за шагом, медленно, чтобы дать впереди идущим проститься. Приближались к огромному, серого кирпича зданию по мокрой ковровой дорожке под начинающимся легким снегом. С одинаковыми, у кого-то лучше, у кого-то хуже получавшимися скорбными лицами, ощущая пустоту и торжественность момента. Партийные шишки прошли первыми – мрачная черная стая уже давно скрылась в темном проеме, в который теперь протискивались знаменитые на всю страну ученые. Хорошо, потому что следом за ними уже все сплошь знакомые лица деятелей культуры: признанных поэтов, закормленных государственными наградами писателей, уважаемых композиторов, модных режиссеров. А следом за мэтрами – ее коллеги и она сама – пестрая, даже если одета в траур, толпа актеров и актрис, скорбь на лицах которых отчего-то выглядела самой наигранной. Ползли, подумала Ада, как муравьи

те, чья карьера еще недавно так сильно зависела от человека, который мертвый и ко всему безучастный теперь лежал – жемчужина в раковине – в здании серого кирпича.

Отчего-то ей хотелось плакать среди не плачущей толпы. Три дня назад они все, все, все, она знала наверняка, они все рыдали. Когда телевизионные и радиопередачи вдруг остановились, когда в кинотеатрах посреди сеансов включился свет, когда светофоры загорелись красным, останавливая слабый поток машин, когда приспустили флаги, когда детей задержали в школе, когда жизнь встала, замерла, вслушиваясь в новость, прочитанную диктором с покрасневшими глазами, в которых боль, – они рыдали. Умер. Умер и нет его больше – «на восемьдесят пятом году ушел из жизни знакомый и любимый всеми бессчетное число лет простоявший у кормила в юности много времени посвящавший прекрасный семьянин любящий отец заботливый добрый все на свете знающий автор многочисленных сочинений по глубине соперничающих с величайшими произведениями философов прошлого великий реформатор гарант свободы и независимости оплот процветания прекрасный человек всенародно любимый пожизненно назначенный» – умер, и нет больше на свете. Первого Президента Объединенной Евразии Олега Вячеславовича Горецкого. Так и звучало – сплошные прописные буквы.

Все тогда испугались. И минуты молчания три дня назад так легко перерастали в получасия, и каждый думал – и каждый боялся – а что теперь? А теперь – как? И Ада думала, думала даже теперь, когда жизнь перевалила через паузу, как через ухаб на дороге, потекла дальше, стыдливо поглядывая на покойника, из-под полы торгуя привычными радостями, пытаясь незаметно войти в колею, прийти в норму. Сегодня, когда уже никто не плакал навзрыд, все еще думала. Вроде бы слишком быстро утешились, отвлеклись, но не остановилось же время за эти три дня, и Земля не сошла с орбиты, и ничего не произошло – всего лишь умер старик, с которым у многих из тех, кто шел сейчас к крематорию, было даже некое подобие личных отношений. И плакать сейчас неразумно, если не непристойно. Оптимизм – это задача каждого гражданина, уныние – непозволительная роскошь в стране, которая каждый день совершает подвиг, оставаясь целостной посреди хаоса. Ада наклонила голову ниже, глотая обиду за мертвого и за себя, слезы глотая, и отерла холодными перчатками холодные щеки. Нормально было изображать скорбь. Горевать – ненормально.

– А доктор твой где? – Нарушил молчание Арфов, заметивший ее жест.

Она знала, он думает, что не его дело сейчас идти с ней, компрометируя себя. Не он должен быть рядом, а ее ухажер, раз уж она настаивает на том, что у них все серьезно.

– Не знаю. Я хотела побыть одна.

Но он не понял намека, считая, что с ним она почти что одна. Или, что к нему это не относится. Или еще что-то. Может, он и был прав. Но от того, что он так хорошо ее знал, становилось противно. Подумала, не спросить ли про его жену, которая, наверняка, неподалеку, ревнивым, яростным взглядом сверлит их спины, но сдержалась. Не стоило сейчас ссориться по таким пустякам. И замолчала так окончательно, что Арфов бросил попытки пробиться к ней. Вот закончится все, и тогда он попытается снова.

Наконец, дошли, преодолели ступени, поднялись плечом к плечу, обернулись к репортерам, предоставив свои лица в распоряжение прессы, втиснулись в полутемный зал след в след за коллегами, наступая друг другу на пятки, толкаясь и терпя толчки. Было темно, и тесно, и почему-то не теплее, чем на улице, но пахло как-то затхло. Неужели не могли позаботиться? А с другой стороны, что сделаешь, если с самого утра тут толпа народу, идут, идут, идут…

Только одно место в комнате было хорошо освещено – возвышение с гробом, окруженное невысокой решеткой. Великий покойник лежал там – старый, хрупкий, бело-блестящий, неподвижный, приковывающий взгляды. Ада встала у решетки, замерла, вцепившись в безучастный металл, смотрела – по пальцам рук можно пересчитать сколько раз в жизни видела его так близко. Смотрела и узнавала знакомое уже тридцать с лишним лет лицо отполированное смертью. Сейчас ей показалось, что он величественнее, выше, умнее, чем был при жизни,

и она замерла, впитывая, запоминая его. Она чувствовала страшное облегчение, моментальное исчезновение испытанного беспокойства – и даже себе не могла объяснить, чего боялась. Может, она ожидала, что придется увидеть невысокого противного старика с трясущимися руками, слезящимися глазами, в выражении которых хитринка смешивалась с первыми признаками старческого слабоумия? Может, это, может, что-то другое. Но явно то, что могло подсказать ей, как неправа она была, все эти годы уверенно утверждая, что Президент ведет страну единственно правильным курсом. А теперь убедилась, что все в порядке – он в смерти принял свой истинный облик – можно успокоиться. Президент был прекрасен даже со всеми своими морщинами и седыми волосами, еще бы, он же заработал все это, беспокоясь о благе страны, о благе народа.

Обнадеженная, успокоенная, Ада обернулась к молчаливо стоявшим рядом с гробом, к жене покойного, кажется, заснувшей в своем инвалидном кресле, к одной из его дочерей, высокой, дебелой пятидесятилетней женщине, выглядевшей даже старше своих лет. Одетая в черные меха, та нескромно и непросто молчала, но в ее сухих, узких глазах Ада прочитала – не горечь и даже не страх – панику.

Ада Фрейн тряхнула головой, обретая растерянную уверенность, выпрямилась гордо – пусть все смотрят, она не упадет, не ударится в слезы – подошла. Смерила взглядом, в котором и соболезнование, и участие, и насмешка, и высокомерие. По извечной женской привычке сравнила с собой дочь президента и почувствовала себя лучше, убедившись, что она моложе, красивее, тверже, бесстрашнее. Протянула руку, выражая соболезнование коротко и громко – все громче и громче, пусть слышат, пусть смотрят.

– Он всегда любил ваши фильмы, – откликнулась дочь Первого Президента, и Ада кивнула, принимая комплимент как признание очевидного факта. Конечно, любил – она это знала. Ей рассказывали, что даже пересматривал некоторые из картин с ее участием по нескольку раз. Конечно, любил – иначе не видать бы ей таких гонораров, и постоянных предложений, и славы. Конечно, любил – и однажды разговаривал с ней лично, в тот самый раз, когда она видела его даже ближе, чем сейчас, пусть и всего пять минут, пусть и почти десять лет назад. Зато один на один, если не считать серых теней его охраны. Он называл ее милочкой, хвалил за патриотизм, обещал, что все ее проблемы решатся, и не может страна потерять такую одаренную артистку и красивую женщину только из-за недоразумения с ее женихом – она помнила, она была польщена. Тем более что была тогда – ничто, дебютантка. И даже если ей самой претило то, в чем приходилось сниматься, ему-то нравилось. А разве он не умнее, не старше, не опытнее нее? Он верил – и она поверила, пусть ненадолго. Конечно, любил – а кто не любил ее в эти годы?

– Крепитесь, дорогая, – громко ответила Ада самым сладким голосом, на который была способна. Липкий ужас в глазах дочери покойного затмевал горе, если эта женщина, вообще, испытывала его. Дочь молча кивнула – как же ее все-таки зовут? – и хотела уже отвернуться к следующему желающему выразить соболезнования. Но Ада не успокаивалась.

– Не время для слез. Он бы хотел, чтобы мы были мужественными, – опять банальности срывались с ее языка как слова хорошо заученной роли. Но она не могла остановиться, желая покрасоваться, желая прогнать этот страх из глаз собеседницы, желая запомниться. И еще упрекнуть дочь усопшего за равнодушие – или малодушие? – за недостаток душевности в такой момент. Почему эта женщина не плачет об отце, не скорбит? Почему она боится? И чего? Потерять все, чем владеет ее семья? Какая мерзость, какая же мерзость.

– Нам нужно быть мужественными, чтобы сохранить то прекрасное, что он оставил нам в наследство, то, над чем он работал всю жизнь, – получалось даже лучше, чем она хотела. Ни дать ни взять та заплаканная дикторша, только эмоциональнее, ярче, сильнее. – Нашу страну, нашу культуру, нашу свободу. Он был великим патриотом, гуманным человеком, истинным другом…

Готовая фраза чуть не сорвалась с языка – «если, конечно, это правда, что он умер», и Ада как всегда не знала, что это значит и кто это сказал, откуда это взялось в ее голове. Но, привыкшая к тому, что мысли ее чуть ли не сплошь состоят из цитат, не обратила внимания. Только поздравила себя с тем, что вовремя прикусила язык, а подоспевший Арфов уже уводил ее, взяв под руку, вежливо улыбаясь, соболезнуя, раскланиваясь, прерывая ее импровизированный митинг, чтобы она не сболтнула лишнего. Конечно, она сказала ему, что не пила, но разве ей можно верить? Когда Аде, вообще, можно было верить? Актриса врет, как дышит.

Под руку Илья повел ее по проходу – выход находился ровно напротив входа в зал, но был шире и еще раз стоять в очереди не пришлось. Ада остановилась на улице, вдохнула сладкий после тусклого помещения воздух, на вкус напомнивший холодное молоко. Закрыла глаза, наслаждаясь мокрыми поцелуями усилившегося снега, ласкавшего ее уставшее лицо. Она не спала трое суток – слишком много для тридцатипятилетней женщины. Она бы сегодня валилась с ног, если бы предыдущей ночью не удалось немного поспать, да и то только благодаря таблеткам, которые дал Дима.

– И что это было такое? – Осведомился Илья, закуривая, недовольно глядя на нее, давая и ей прикурить. – Репетировала? Или так, экспромт?

– Отстань. Ты все равно не поймешь, – затянулась, укутываясь в табачный дым и неожиданно чувствуя себя намного лучше – не то оттого, что все закончилось, и можно было, наконец, покурить, освободиться от этого мерзкого чувства ожидания, от необходимости соответствовать, не то просто довольная своей выходкой. Огляделась в поисках своего волшебного доктора.

– А где Дима? – Королевские ужимки возвращались, как мокрый снег, налипая на каждое ее слово, каждую интонацию. Капризно протянутое имя любовника, строгий спрос с агента-хранителя, словно он не только мог, но и обязан был знать, где находится то, чего ей хочется, и как это немедленно достать. Словно забыла, что еще недавно он сам спрашивал ее о том же.

– Может и не пойму, но слушай, Ада… – Пропустил мимо ушей ее вопрос. Илья терпеть не мог ее нового любовника, уж точно не собирался искать его по ее капризу. – Сейчас время такое… надо быть потише. Понимаешь меня? Непонятно пока, непонятно… А на мероприятие я сам тебя отвезу.

Ада поморщилась – не хотелось ей никаких поминок, продолжения сегодняшнего спектакля. Хотелось выпить красного вина, закутаться в плед и с ногами забраться в кресло – и может быть, даже уснуть. А тут придется еще несколько часов держать спину и печально-обаятельную улыбку прикрепить к губам.

– Я домой хочу, – проговорила тоном обиженного ребенка, словно забыв, что на него это уже тысячу лет как не действует – если вообще когда-нибудь действовало.

– Ничего не знаю. Ты должна там хотя бы показаться. В понедельник нам на Комиссию, получать разрешение на выпуск. Да и все, что у нас есть – это ведь благодаря нему, необходимо подчеркнуть, что ты умеешь ценить внимание к твоей особе и быть благодарной. Пригодится еще, – бросил быстрый взгляд за плечо, на дверь, из которой они только недавно вышли.

– Знаю, – сама успела осудить себя за неблагодарность.

И правда – должна была. Скольким она была ему обязана, да?

– Как думаешь, что теперь будет?

– Понятия не имею, – он понизил голос, оглядевшись, взял ее под руку и повел к выходу с территории. Там, за задними воротами должна ждать машина. Он не был бы ее агентом-хранителем, если бы не умел предусматривать все на свете, и, в первую очередь, ее ссоры с мужчинами, которым полагалось ее подвозить. – И никто не знает. Наверное, назначат исполняющего обязанности, выборы начнут готовить… Только все это мне не нравится. Суета, толпа, хлопоты, непорядок. Так хорошо было, а теперь…

Она согласно кивнула. Бывало по-всякому, конечно. Но в стране все было хорошо. Никакого терроризма (почти), никаких кризисов (почти). Тихо. Можно жить.

– И чего ему вздумалось умереть… Хотя Дима твой мне говорил, что уже несколько лет, как налицо все признаки слабоумия, а в последние дни он был совсем плох, хоть и говорили, что идет на поправку… Но посмотреть на него – старая развалина, – он говорил совсем тихо, но она все равно вспыхнула, разозленная его словами, отдернула руку. Еще и не похоронили даже, а уже грязь – и такая опасная. Странно было представить, что даже такой циник как Дима стал говорить об этом с кем-то, кроме нее – а она обычно не слушала. Еще три дня назад не осмелился бы. И Арфов не осмелился бы слушать, не то, что повторять. Но сейчас все не так – в головах что-то переключилось. Даже у осторожного Ильи страх куда-то пропал, несмотря на его собственное недавнее предупреждение быть потише. А самое удивительное, он даже не понимал, даже не заметил, как перестал бояться повторять подобные гнусные сплетни. Как снег под ногами, память крошилась, таяла, пригретая солнцем. Вчерашние слезы и страхи сегодня ни для кого ничего не значили. Страна, очевидно, на всех парах неслась к катастрофе, масштабы которой не могло охватить даже воспаленное воображение Ады Фрейн.

Он придержал перед ней створку ворот, и она выпорхнула, стрельнув глазами по сторонам – профессиональная привычка, а вдруг и здесь притаились репортеры? Но никакой прессы, только вереница поджидающих вдоль обочины автомобилей, да серые лица службы охраны, следящей, чтобы никто из желающих попрощаться не проник на территорию без разрешения. Обернулась через плечо, напоследок.

–

Больше таких глупостей при мне не повторяй! Неужели нельзя проявить хоть немного уважения?

***

В машине было неожиданно тепло, видимо, Арфов знал о ее скандале с Димой больше, чем пытался показать. И предвидя возможность того, что везти Аду придется ему, позаботился о том, чтобы водитель не выключал двигатель во время ожидания. При нынешних ценах на электричество, это было если не крайней роскошью, то, во всяком случае, недешевым удовольствием. Ада блаженно потянулась, стягивая с плеч мнимо-меховую накидку, вытягивая ноги, насколько позволяло расстояние до спинки водительского сидения. Развалилась довольной кошкой, льнущей к теплу, вытащила сигареты, покосилась на Илью, занявшего сидение рядом с водителем, взглядом сообщая ему и о своей благодарности, чуть улыбнулась – он-то на нее не смотрел. По его немного расслабившимся плечам догадалась, что Илья в целом доволен ее поведением и в ближайшее время выговоров не предвидится. Все, что он собирался ей сказать, уже было сказано. Ада прильнула щекой к прохладному стеклу, на секунду закрыла глаза, наслаждаясь очередной сигаретой и несколькими мгновениями покоя. Вот сейчас, еще секундочку, и нужно будет снова встряхнуться, завести неприятный разговор, может быть, поскандалить, потому что за ним числился маленький должок, а его хваленая предусмотрительность, судя по всему, была ничем иным, как мерзким шпионажем, в котором она давно его подозревала, но никак не могла уличить.

Машина плавно тронулась, Ада открыла глаза, мягко улыбаясь плечу Арфова. Сколько она его знала, Илья всегда был страстным автомобилистом, но с некоторых пор за руль не садился, особенно, если предполагалось, что в машине с ним поедет его подопечная. Не доверял он и автопилоту, который мог бы вести автомобиль по кратчайшему маршруту до места назначения, но, во-первых, с удручающе медленной скоростью, а во-вторых, автоматика не могла бы свидетельствовать о том, что между ним и Адой ничего непристойного не происходит. Жена не давала ему покоя со своей бессмысленной ревностью, и он всегда старался обес-

печить себе алиби, чтобы в любой момент иметь возможность доказать Майе их с Адой пристойное поведение.

Пепел упал прямо на обивку, но Арфов ничего не заметил, и Ада постучала по сигарете, надеясь, что еще что-нибудь упадет. Нужно еще понять, с кем он успел поговорить. С Димой? Это было бы весьма плохо, так как меньше всего она хотела, чтобы ее мужчины нашли между собой общий язык. Или с Норой, приходившей убирать ее квартиру? Еще хуже, от любовника она устала куда больше, чем от домработницы и расстаться с ним ей было бы куда легче. Но не успела она открыть рот, чтобы привлечь к себе внимание, не успела толком разозлиться, как Илья потянулся к панели, и на спинке впереди стоящего кресла вспыхнул экран.

Хорошенькая дикторша, сидя за столом, беззвучно шевелила губами, а за ее спиной шли кадры, которые вся страна безостановочно смотрела последние три дня. Новости и развлекательные программы, которыми славилось телевидение, стыдливо уступили место пространным рассказам о том, как много сделал для страны покойный. Видимо, чтобы благодарный народ не забыл своего вождя и его заслуги неприлично быстро.

– Сделай громче.

– Не наслушалась еще? Подожди, доедем, речей будет предостаточно…

– Я сказала, сделай громче, – потребовала снова. Злость, отогревшаяся в теплой машине, вроде бы стихшая, снова заледенела в голосе. И Арфов, свернувшаяся в панцире улитка, покачал головой, подчинился.

«…начало века было омрачено не только многочисленными экономическими кризисами, сотрясавшими государства, располагавшиеся на территории нашей великой страны. В то время евразийцы ошибочно полагали, что экономического объединения достаточно для того, чтобы противостоять многочисленным угрозам, идущим с Востока и Запада. Оказавшись между двух великих игроков, – речь о США и Китае, – Евразия сотрясалась от местных, локальных конфликтов, вызванных нашествием эмигрантов из арабского мира и стран Африки, а так же бедственным положением, в которое попало коренное население благодаря притоку дешевой рабочей силы. Белый человек, поставленный в положение вечно извиняющегося экс-рабовладельца в США, уничтожаемый и унижаемый мусульманским миром, не мог найти свой кров и на собственной Родине, в Европе и европейской части России. Белый человек должен был быть уничтожен, стерт с лица земли иными расами, и наша великая история, великая культура должны были быть поглощены благодаря гнусной политике мультикультурности, пропагандируемой продажными политиками Европы и, в меньшей степени, на территориях бывшего Советского Союза».

Ада знала это место наизусть. Так начинался один из трудов покойного президента, не то его автобиография, не то его исторические сочинения, она никогда не обращала внимания на источник. Скорее автобиография, он ведь никогда не отделял свою личную жизнь от жизни страны, которую создал, свою историю от истории века, с которым родился почти одновременно. Так и нужно, думала, только так и нужно – что мы, если не иллюстрации, не микроповторения глобальных процессов? Мы только соль, растворенная в море, и каждый наш шаг вершит историю, и каждый вздох истории вершит наши судьбы. Где она почерпнула эти мысли? Родились ли они в ее собственной глупой голове? Не нужно, не нужно об этом думать, и она достала зеркальце, принялась прихорашиваться – как здорово, что удалось все же поспать накануне, хитрые косметические приемы уже почти не помогали от черных кругов под измученными глазами…

«Вооруженный конфликт, разгоревшийся, когда мне едва исполнилось пятнадцать лет, и получивший позднее название Третьей Мировой Войны, поставил перед евразийцами роковой вопрос – стоит ли продолжать бороться за то, что народу Евразии не нужно и никогда не было нужно. Действительно ли белому человеку необходимо принимать участие в войнах между почти полностью поглощенными негроидами Соединенными Штатами, относящимися

к нам с презрением азиатами, постепенно объединяющимися под игом Китая, и разобщенным, но крайне опасным мусульманским миром? Я никогда не утверждал, что одна раса лучше другой, что одна культура важнее другой, но факт состоит в том, что с эволюционной точки зрения белый человек почти не имеет шансов сохраниться как вид, потому что и негры и азиаты естественным образом будут доминировать над нами генетически и фенотипически. Речь шла уже не о националисических идеях, не о ксенофобии, но о борьбе за то, чтобы Венера Боттичелли не казалась нашим внукам как женщиной с другой планеты. Что касается мусульман, то их религиозный фанатизм, их сжирающая все на своем пути культура, их агрессия – в арабских странах шли нескончаемые вооруженные столкновения, а расцветший буйным цветом терроризм распространился по всему миру – заставляли предполагать, что они объявили войну всему человечеству».

Пуховка мягко прошлась по светлой коже – лето впереди, холодное, мутное евразийское лето, с его туманами и дождями, но, если выдадутся солнечные дни, нужно побеспокоиться о защитных масках, не хватало только загореть. Уже много лет только совсем светлая, молочная кожа считалась признаком здоровья. От природы Ада была скорее склонна смуглеть, и с этим небольшим недостатком приходилось бороться не на жизнь, а на смерть.

«Глобальные катаклизмы сопровождали этот ложный путь истории человечества. Многочисленные землетрясения и цунами в Японии, перераставшие в техногенные катастрофы, сделавшие острова непригодными для жизни, поставили под угрозу интересы Китая и США – так начался первый в череде конфликтов первой половины века. Азиатам не хватало территорий, места для жизни, США не хватало денег и рынков сбыта, арабским странам не хватало крови, и только обделенный Белый нуждался в доме. В семье. В теплых летних вечерах на своей, пропитанной историей земле. И тогда мы решили, что пора бороться за то, чтобы каждому нашлось место на земном шаре. Пора бросить притворство. Пора дать отпор всем тем, кто, подобно древним гуннам пытался уничтожить цивилизацию, не желая, в отличие от прежних варваров, ассимилироваться, принимать правила игры, которые были установлены здесь веками».

В зеркальце отразились глаза, правый, левый, стрелки были нарисованы идеально ровно. Ада сощурилась по-кошачьи, репетируя свой фирменный, томно-лукавый взгляд. Ее классические черты были бы скучны, она сама это знала, если бы не эта неожиданная вспышка серо-голубой радужки, при определенном освещении приобретавшей фиолетовый оттенок. Выражение ее глаз было приручено, как бывают приручены мелкие животные и птицы, оно никогда не принадлежало ей полностью, но часто оказывалось послушно ее желаниям. Она чуть улыбнулась, обновляя блеск на красиво очерченных губах. Удовлетворенная, вздохнула, захлопнув зеркальце. Она была красавицей, так говорили все, она и сама это знала, но, чтобы не забывать об этом ни на секунду, все еще требовались усилия. В ее семье, когда-то давно, ее убеждали, что важна не внешняя красота, а ум, эрудиция, принципиальность – то, что молодой женщине, как она теперь знала доподлинно, не нужно совершенно. И понадобились годы, годы и потоки слез, чтобы научиться отделять зерна от плевел, чтобы научиться видеть себя такой, какой ее создал Господь.

Дикторша переводила дух, пока на экране шли кадры старой съемки – голодные, измученные лица людей, изуродованные, разрушенные города, глаза детей, граффити на грязных улицах. Теперь такого нигде не увидишь – надо всем господствует чистота и порядок, ровный светло-серый цвет домов и темно-серый цвет асфальта, а еще стекло, очень много стекла. «Старые города разрушили, новые города построили. В новых городах здания были выше, площади шире, парки больше, монорельсовые вагоны бежали в них быстрее, но ходили реже», – вспомнилась ей цитата – и снова из какой-то много лет назад прочитанной книги. Вот и вся суть их новой жизни в двух предложениях, и как все-таки здорово умели некоторые писатели

предсказывать будущее. А все же ни один из них так и не угадал, как им будет житься в этой новой реальности.

Предсказывали, предсказывали катастрофы, ущемление личности, господство технологий, потерю души – и не сбылось, технологии топтались на месте, катастрофы, хоть и случались, не носили такого уж разрушительного характера, и разве где-нибудь хоть кто-нибудь молился богу так организовано, как это делали граждане ОЕ? Прекрасна была их жизнь в дивном новом мире, прекрасна, и надо не забывать оптимистично улыбаться, поддерживать тех, кто тащит страну в светлое завтра на своих сильных плечах. В ОЕ же их стараниями, несмотря ни на что, порядок, покой и уверенность, что завтра будет ничем не хуже, чем вчера. И ничего, что с транспортом сейчас так трудно – ходить пешком полезно, дышать свежим экологически чистым воздухом – полезно.

На экране снова появилась дикторша с сияющими глазами – энтузиазм был профессиональным требованием. Дальше, Ада знала, конкретика уступит место лозунгам, формулам, патриотическим воззваниям – период Третьей Мировой войны был одной из самых плохо изученных эпох в мировой истории, словно темные века – и таким же было это место в биографии их покойного президента. Никто не брался за то, чтобы пролить свет на те события. Клио больше не была игрушкой в руках спекулянтов, история Евразии была известна здесь каждому и не допускала переосмыслений. Это было то прошлое, которое разрешалось помнить, то прошлое, о котором постоянно напоминали. Первые десятилетия – вспыхивали в голове строчки учебника вслед за словами дикторши, причины, поводы, следствия, хроника событий, она даже помнила как сверстан был текст, но об этом никому не следовало знать – холодная война, грозившая вот-вот перерасти в вооруженный конфликт. Пытаясь противостоять растущей численности азиатского мира, США изобретали все новые и новые супервирусы, работу над которыми не скрывали. Китай отвечал точечными бомбардировками Японских территорий, ставших непригодными для жизни, но продолжавших считаться зоной влияния Штатов, и намекал на то, что ему вполне под силу обрушить подобные удары на Вашингтон. Страны исламского мира переживали одну за другой революции, в результате которых к власти приходили агрессивно настроенные фундаменталисты. Для того, чтобы не допустить создания крупной мусульманской формации, США и Китай спонсировали, в зависимости от конкретных задач, то официальную власть, то оппозиционеров, то и тех и других, не позволяя затихнуть тлеющему пламени войны. Уже не игравшие никакой особенной роли на мировой арене, Европа и Россия старались просто выживать. К тридцатым годам Россия раскололась вдоль Урала, потеряв Сибирь со всеми ее ресурсами и все южные теорритории. Вначале Сибирь объявила о своей автономии, но вскоре была взята под контроль Китаем, что было, разумеется, негативно воспринято Соединенными Штатами и вызвало новый всплеск напряжения, что в конечном итоге привело к введению миротворческих сил, вооруженных по последнему слову техники, на территорию России. ООН была расформирована, но большинство европейских стран находилось в таком глубоком экономическом кризисе, что это принесло Европе скорее облегчение. Европейский Союз сохранялся только формально, национальные валюты европейских стран снова были введены в оборот, а границы закрыты.

И постепенно зрело внутри разорванной Евразии понимание, что дальше молчать невозможно, что эта почти феодальная раздробленность приведет, в конечном итоге, только к тому, что Евразия будет растащена на кусочки, захвачена более сильными странами, что противостоять хаосу может только объединение. К сороковым годам отдельные группы внутри Европы и России уже активно вели пропагандистскую работу, которую, как сейчас считалось, чуть ли не полностью инспирировал и возглавлял человек, которому в будущем предстояло создать новую страну. Последней каплей стало решение США обрушить ядерный удар на Сибирские территории, чтобы показать Китаю, насколько серьезные последствия ждут азиатов, если они не умерят свои аппетиты. К этому времени Европейские страны уже снова слипались в единое

государство, как мокрый снег, и несмотря ни на какое сопротивление, группе молодых политиков удалось казалось бы невозможное – спаять крепкое государство, взять под крыло остатки России и не позволить ни одной из враждующих сторон оказать свое влияние. На карте мира родилась новая империя, и ни у истощенных Штатов, ни у перенаселенного Китая, ни у вымирающей Африки, ни у огромных финансовых корпораций, ни у воинствующего ислама не оказалось сил ничего противопоставить этой новой формации. Тем более, что кроме экономического и политического единства, Союз Европейских стран и России, который постепенно стали называть просто Объединенной Евразией или ОЕ, крепче крепкого спаяла единая идеология, единая мечта. В какой-то момент белый человек, наконец, понял, что будь он англичанин или поляк, француз или русский, он остается представителем одного вида, одной культуры. Христианство, со всеми его ответвлениями и ересями подало пример, когда Папа Римский и Патриарх Русской Православной Церкви обнялись как братья, и было осознано, что Христова вера, если не будут раздирать ее внутренние противоречия, может стать мощным оружием против религиозных влияний других стран. Раскинувшаяся от побережья Атлантического океана до Уральских гор, включившая в себя Скандинавские страны и Великобританию, сформировавшая на юге зоны влияния, не включенные в состав ОЕ только по той причине, что южные народы едва ли полностью соответствовали понятию «белый человек», Объединенная Евразия подняла голову и гордо оглядела разрушающийся мир. Сплоченность стала их идолом, Свобода – лозунгом, Вера – путеводной звездой, а расовая принадлежность – отличительным признаком, границей, основанием их прав. «Право белых» – так называлась доктрина, рожденная почти одновременно с самой Адой, в середине века, право белого человека на жизнь, культуру, развитие, счастье. Это означало, что на территории ОЕ больше нет места мусульманам и буддистам, арабам, неграм и азиатам, всем тем, кто не подходил под определение «исконного европейца», определение весьма смутное, но достаточное для того, чтобы выгнать из страны всех, кто вызывал хоть малейшее подозрение в нечистокровности или религиозной распущенности. Иудаизм признавался постыдным, но не наказуемым заблуждением. В остальном свобода совести упразднялась.

Поначалу всем желающим уехать предоставлялась такая возможность, мулатам же предписывалось переселяться в южные районы, где они могли работать на благо Евразии и не надеяться когда-либо увидеть Столицу или какой-нибудь из крупных Евразийских городов. Евразия не хотела участвовать в войнах, хотя позже, когда и Штаты и Китай поняли масштаб угрозы, на границах стало неспокойно. Евразия не хотела чужого. Но Евразия и не принимала чужаков. В рамках новой доктрины было признано необходимым увеличение численности населения, и бездетные семьи облагались специальным налогом, разводы осуществлялись только с разрешения Церкви Христовой, получить которое было почти невозможно, гомосексуальные связи объявлены вне закона. Экономика причудливо смешивала капитализм и плановое производство товаров потребления, и во главе встала «Белая партия», различные отделения которой время от времени принимались конкурировать между собой, что создавало вполне достаточное политическое напряжение, не позволяя стране свернуть с выбрано курса вне зависимости от политических дрязг. Президента выбирали, но так как раз за разом на выборах побеждал Олег Горецкий, ему, в конечном итоге, было предоставлено уникальное пожизненное назначение, которое, которое…

Которое подошло к концу три дня назад. Ада, почти задремавшая с открытыми глазами, вдруг встрепенулась. Дикторша на экране перешла к главе, в которой подробным образом обосновывалось превосходство белой расы, а так же содержалось значительное количество выпадов против сексуальной свободы, которую Горецкий не одобрял. Слушать про внебрачные связи, гомосексуализм и прочие извращения для Ады было невыносимо. Прошлое наползало грозовой тучей – притворяйся не притворяйся, а все равно наталкиваешься на одно и то же, все равно не можешь не вспоминать.

– Остановите, – резко приказала она и коленом ударила по спинке водителя, когда тот не выполнил ее требование. Она почувствовала внезапно подкатившую тошноту, и сладкий голос дикторши вдруг показался ядом, залитым в уши доброго короля. Ада судорожно начала натягивать накидку на плечи, помнила, на улице холодно и мокро, и нужно ни в коем случае не простудиться. Умнее было бы не останавливаться, не смотреть, спокойно ехать дальше, может быть, просто отключить звук, если уж так невыносимо опять, все это…. Но она чувствовала, ее уверенность, оптимизм и энтузиазм дают какой-то странный крен, трещину – строчки учебника так и прыгали перед глазами, намекая на неустранимое противоречие между постулируемыми идеалами и их реальной прекрасной жизнью. А такого быть просто не могло, такому нельзя позволять происходить – иначе так и не будет в жизни покоя и порядка. Еще не осознаваемая ошибка закралась в ее мысли, и, чтобы выбросить эти глупости из головы, нужно было выйти, нужно было вдохнуть чистый, светлый воздух ее родной страны, нужно было оглядеть прекрасный блестяще-серый город, кое-где тронутый красно-черными пятнами приспущенных государственных флагов. Нужно было снова влюбиться в привычные идеалы, чтобы заглушить мысли, которые лезли и лезли в ее глупую голову, вопросы, на которые никто никогда не мог дать ей ответ.

– Что такое? Нехорошо? – Обеспокоенно спросил Арфов и – она по тону почувствовала – испугался. Наверное, думает сейчас, не беременна ли она, не подхватила ли какую-нибудь другую заразу. Волнуется как всегда за нее, за работоспособность.

– Просто, остановите, – и едва машина встала у обочины, у высоких перил эстакады, возвышавшейся над дорогой, ведущей к крематорию, выскочила, подошла к краю, широко раскрытыми глазами посмотрела вниз. Там были электромобили – сотни, тысячи машин, столпившиеся в пробке – она легко вспомнила это слово, хотя не слышала его уже больше двадцати лет. И не видела подобного столько же – с тех пор, как в тринадцать лет уехала из своего родного города и перебралась в Столицу.

«Столица строится с расчетом на насыщенное движение. Широкие проспекты, многоуровневые развязки, почти полное отсутствие светофоров – все сделано для того, чтобы в новом городе никогда не возникло проблемы удушающих многочасовых пробок, от которых страдали города прошлого», – вспомнила дословно слышанное в раннем детстве. Даже догадаться не могла, сколько ей было лет – но кухонный стол тогда казался очень высоким, а папа – просто великаном. Она, наверное, и говорить тогда толком не умела, потому что о ее феноменальной памяти в доме еще не знали. И стала внезапно – тот, очарованный, восхищенный ребенок – смотрела на непривычное зрелище. В Столице до этого дня никогда не бывало пробок, то ли в силу грамотного устройства движения, то ли из-за неимоверно высокой цены на электричество, сделавшей личный электромобиль редкой роскошью.

Но сегодня весь город, нет, вся страна, кажется, собрала последние гроши, чтобы добраться до крематория, чтобы хотя бы приблизиться к нему, чтобы водители сами увидели… хотя бы издали… дым. И почувствовали запах гари.

– Ты когда-нибудь видел подобное? – Осторожно, чтобы не испачкаться, она положила руку на ограждение, когда Илья подошел к ней. Провозглашенный курс разумной экономии, оправдывавший ходьбу пешком, был послан к черту, да? Все из-за того, что он умер.

– Видел, – он покачал головой. – Но не думал, что увижу снова. Перестройка городов почти закончена, еще пара лет и такого не останется больше нигде в Евразии.

Когда население начало неуклонно расти, и оказалось, что не хватает еды, не хватает места, не хватает занятий, началась массовая перестройка городов. «Люди важнее камней», – говорил президент Горецкий, приказывая разрушить очередной городок с вековой историей и возвести на его месте огромный блестящий белый город, подобный всем остальным городам Объединенной Евразии. «Каждая семья имеет право не ютится в землянке, а жить в комфортной современной квартире» – и почти каждая семья спустя всего пару десятилетий это право

релизовала. Сохранились только самые известные памятники архитектуры, достопримечательности, но и они мало-помалу приходили в упадок, а потом оказывалось, что реставрировать эти развалины слишком дорого – и исчезали с лица земли величественные соборы, роскошные особняки и дворцы прежних властелинов мира. Единообразие правило всем – и было это хорошо – но вот только с людской памятью что-то происходило. И еще у Ады не укладывались в голове Венера Боттичелли и эти прекрасные, блестящие небоскребы, такие комфортные, но такие одинаковые. А никто словно не замечал этого противоречия, и она думала – это с ней что-то не так или слишком она глупа, чтобы понять. Спрашивать стеснялась – да и кого? Кто был близок настолько – и при этом достаточно умен, – чтобы не посмеяться над ней, а объяснить?

И потому Арфова она спросила о другом.

– А утром мы почему не застряли так?

– Так мы ехали по выделенной трассе для приглашенных, об этом не забыли позаботиться, – он улыбнулся, равнодушный к заключенным в жестяных коробках, застрявших под их ногами.

«А о снеге забыли», – она нахмурилась, но ничего не сказала. Запахнулась плотнее, почувствовав, какой тут сильный ветер, отвернулась, пошла к машине. Эта пробка – просто еще один звоночек, что что-то разваливается прямо на глазах, что-то идет не так. И теперь так будет всегда? Еще долго уж точно. Пока не появится кто-то, кто наведет порядок, может быть, прежний, может быть новый. Но так, как было, уже не будет никогда. Она вдруг вспомнила о самоубийстве мужа. Но об этом тоже не решилась заговорить.

***

В хорошо освещенном зале собрались только лучшие из лучших, богатейшие из богатых, известнейшие из известных – все в черном. Она поискала глазами Диму, но не нашла и сразу отправилась к столу с напитками, как ни косился на нее Арфов. К счастью, он не мог ей помешать – был занят очередным выяснением отношений с Майей, которая прибыла на праздник раньше них и, едва они рука об руку вошли в зал, встретила холодными злыми глазами и словами, яда в которых содержалось так много, что его можно было сцеживать. Ада лучезарно улыбнулась, поправляя чуть растрепавшиеся темно-каштановые волосы жестом, который она когда-то заимствовала у самой Майи. Они были ровесницами и некогда даже числились в лучших подругах. Было это так давно, что и вспомнить смешно, но они обе помнили – судя по тому, какой ненавистью искажалось лицо высокой блондинки. С удовольствием Ада отметила про себя, что Майя стареет немного быстрее нее самой – вот таких морщинок в уголках глаз у самой Ады еще не было, и веки еще совсем не так отяжелели, несмотря на то, что ее жизнь и жизнь Майи даже близко нельзя сравнить. Майя ничем не занимается, только изводит Илью бесконечными сценами, а Аде приходится работать как проклятой, чтобы оставаться молодой, привлекательной и успешной, чтобы не потерять так быстро завоеванное звание самой знаменитой молодой актрисы ОЕ.

Это соперничество началось так давно, что стало частью их жизни, необходимой деталью. Вместе они формировали треугольник, самую устойчивую фигуру на свете – ее агент, ее друг, которого она в глубине души боялась и не любила, и его жена, с которой их связывала взаимная неприязнь, подпитываемая некогда самой искренней дружбой. Две женщины вечно делили Арфова, и сейчас, мучаясь ревностью, жена допрашивала его, почему именно он вез Аду и почему они ехали так долго. Как будто за несколько минут, проведенных на мосту, она могла бы его соблазнить… могла бы теоретически, но только лет десять назад, когда он еще не был женат, а она не была его актрисой. Теперь же, когда они работали вместе, когда он привык к ней,

это было почти невозможно. Аду это не беспокоило, но какое же удовольствие она испытывала, чувствуя, что все еще вызывает в женщинах ревность.

Она сделала большой глоток красного вина, наслаждаясь вкусом дорогого напитка, из тех, что нечасто выходит попробовать – на черном рынке такого не достанешь. Раньше было не достать, поправила себя, может быть, теперь…

Дима нашел ее легко – за несколько месяцев их романа он уже прекрасно изучил ее и знал, где искать. Она следила издали, как он приближается, с тоской думая о том, что сейчас все начнется – удушающая забота, опека, самодовольство, притворство. Он нравился ей когда-то, такой правильный, такой дотошный, такой успешный. В свои тридцать с небольшим уже главный ассистент крупнейшего хирурга… кардиохирурга? или нет?.. она так хорошо запоминала то, что слышала, что в последние годы ей пришлось научиться не слушать.

Он был моложе нее – его самый главный недостаток – всего на три года, но для Ады это было действительно важно, Словно она расписывалась в собственной старости, когда замечала, что привлекательный мужчина может быть младше нее. Еще немного и они все будут младше. И хотя об этом не судачили, ведь он старался выглядеть старше своих лет, а она – моложе, это ничего не меняло. И только вопросом времени было, когда этот диссонанс, когда ее неизбежное старение бросится в глаза окружающим.

Дима подошел, неодобрительно глядя на стакан в ее руке и гадая, который он по счету за этот вечер. Она скривилась, чуть отвернув голову, так что его легкий поцелуй лишь мазанул ее по щеке. Они старались не афишировать.

– Дорогая, как ты? – Осторожно спросил, без боязни, но с напряжением.

– Расстроена. И замерзла. Ты давно здесь? Я хотела сразу поехать домой, – пробормотала, делая глоток. Это было бы, конечно, ошибкой, она теперь понимала, ей необходимо быть здесь. Но верному рыцарю следовало оказаться рядом, разве нет?

– Извини. Я прошел раньше, и меня пригласили проехать в машине Сайровского.

Скривилась, услышав фамилию видного партийного деятеля, которого прочили даже на пост следующего Президента. Ян Сайровский что, настолько стар, подумала она, чтобы привечать подающих надежды хирургов? Кардиохирургов, теперь она точно вспомнила. Но Дима, Дима… Карьерист, а не рыцарь, и это было мерзко, и то, что ей всегда в нем так нравилось, теперь неожиданно вызвало негодование.

– Поскольку Арфов обещал присмотреть за тобой, я решил, что не могу упустить такой возможности, – он быстро и четко изложил свою точку зрения, спокойно глядя на нее из-под стекол своих блестящих очков. Дима такой чистенький, точный, такой омерзительно правильный, такой правильный, такой правильный, что ее от него – на мгновение всего, правда же – но затошнило. Захотелось швырнуть в него бокал, устроить скандал, стереть с его лица эту самодовольную гримасу.

– Да неужели? И тебе в голову не пришло, что мне плохо, что я жду тебя, что я волнуюсь? – Угрожающе начала она, не обращая внимания на то, что окружающие начинают оборачиваться на звук ее хорошо поставленного голоса, в котором искорками заметались истерические нотки.

– Тише, тише, – первое, что выдавил из себя он, оглядевшись. – Ты в таком настроении, – в его небольших, идеальной красоты руках появилось что-то детское, беззащитное.

Такой большой мальчик с такими чуткими пальцами, ребенок, запутавшийся в собственном несуразном теле. Когда она бывала «в таком настроении», с него слетала вся его уверенность. Он был как ребенок, любующийся фейерверком – красиво издали. А вблизи фейерверк ничуть не безопаснее пороховой бочки.

– Да, я в таком настроение, черт возьми! – Она залпом осушила бокал, отставила куда-то в сторону, но говорила уже тише.

Его беспомощность рождала в ней раздражение и укоры совести, тушила агрессию. И вино действовало, внутри становилось все легче, словно надувался воздушный шарик из пузырьков, и можно было оторваться от земли, лететь, ничему и никому не принадлежа…

– Не думаю, что тебе стоит пить, – прозвучало как-то кротко, и Ада нервно рассмеялась. Он думал, что все дело в алкоголе. А она считала, что все дело в нем.

– Отвали. Чтобы я больше никогда в жизни тебя не видела и забыла о твоем существовании, – зло бросила, потянулась за вторым бокалом, и с удовольствием отметила, как его поднявшаяся было рука, чуть не коснувшаяся ее запястья в безусловном желании остановить, бессильно опустилась.

Он растерянно посмотрел на нее, промолчал, отошел в сторону. Такие вспышки он видел уже не раз и постепенно привыкал, учился понимать, как мало они значат, но каждый раз все равно боялся, что она серьезно. Она могла его бросить, правда, могла, но он даже не представлял себе, какой мукой стало бы для нее очередное расставание. А пока не представлял, можно было продолжать вести себя как обычно. Ада тряхнула головой, выпрямляясь. Знала, он смотрит на нее со стороны, знала, он видит то же, что и они все – тридцатипятилетнюю красивую женщину со следами усталости на лице, напивающуюся, может быть, излишне часто напивающуюся на таких сборищах, истеричку. Она знала, что он видит то же, что они все, но не могла этого изменить. Если бы он только захотел, он мог заглянуть ей в душу, и увидеть ее глазами этот мир, и понять, чего она боится. Она дала ему все возможности, а он ими пренебрег. А ведь вначале ей казалось, что он на это способен, что он этого хочет. Вначале она думала, что ей будет спокойно рядом с его скромной самоуверенностью, что его правильность станет основой ее защищенности. Дура, опять прогадала. Рядом с ним ей было просто скучно.

Когда ты уже научишься, Ада Фрейн, подумала, когда же, наконец, повзрослеешь? Разве мало было истории с Вельдом, разве не научили тебя ничему последовавшие за коротким браком еще более короткие романы, разве ты не знаешь мужчин, которые попадаются на твоем пути? Может, где-то и существуют другие отношения, другие люди, рыцари и защитники, интересующиеся не только твоими ногами и твоей славой, но ты же не встречала их. И сколько можно верить, что очередные вожделеющие глаза, наблюдающие из толпы, будут через месяц смотреть на тебя все так же, без страха, без пренебрежения, без скрытого равнодушия?

Вдруг подумала – «мы в этом зале встретились впервые» – так странно, она же целый день вспоминает о нем, о покойном муже, но отчего только сейчас поняла, что сейчас как тогда стоит столик с напитками, как тогда она возле, в одиночестве, как тогда люди по двое, по трое и оглядываются на нее, но не подходят, только шепчутся.

Еще глоток, и прошлое ожило, и зазвучала неслышная никому музыка, и из толпы посмотрели на нее черные глаза погибшего мужа, и она стала на восемь лет моложе, свежее, глупее, но все так же горели ее голубые с фиолетовой чертинкой глаза, и дерзко поднимала подбородок, перепачканная своей славой, сплетнями, что окутывали ее точно кокон, оберегая от того, что кто-то сможет проникнуть к ней в душу. Тогда она была целое скопище противоречий, повод для сплетен – выскочка, выстреливашая единственным своим сверхуспешным фильмом, подозрительная персона, только что вынырнувшая из жуткого скандала, одинокая как никто, обласканная властью как никогда прежде…

Она была уверена в себе, ведь всего за несколько часов до того вечера, еще живой, старый и сморщенный Первый Президент Горецкий жал ей руки, говорил, что она милочка, трепал за щечки, хвалил за патриотизм, да-да, именно тогда это и случилось, он еще обещал, что глупость, в которую она ввязалась, не будет иметь никаких последствий, ведь она абсолютно чиста, абсолютно предана, и это видит каждый, кто только имеет глаза. Но на том приеме об этом еще не знали и отворачивались при виде нее, и боялись подойти – не замараться бы! – а из толпы на нее смотрели его глубокие черные глаза, не отрываясь, не отвлекаясь, как сейчас смотрит Дима. Так да не так, Вельд был знаменит своими глазами сатира. Вельд мог раздевать

взглядом, мог обладать взглядом, мог соблазнять взглядом. Он всегда смотрел жадно, открыто, самоуверенно. Он смотрел, ощущая свои права, свою силу. Не только на нее, на саму жизнь он смотрел, как на игрушку, как на вещь, принадлежащую ему, и мнилось, каждый миг он готов подойти и взять то, чего ему хочется, не испытывая ни малейших угрызений совести или сомнений. И – пусть недолго – но ей ведь это нравилось. Нравилось куда больше, чем овечьи, обиженные глаза нынешнего ухажера.

Она так не хотела вспоминать – ведь знала же, чем заканчивается эта история, она уже один раз пережила это наяву и тысячи раз проживала во сне, – но не могла остановиться. Еще глоток, и перед ее повлажневшими глазами возникла его фигура. Высокий, черноволосый, решительный, с большими руками, в которых, ей казалось, могла поместиться вся ее маленькая жизнь, измозоленными руками музыканта, которыми он размахивал на ходу, не заботясь о том, чтобы кого-то не задеть, он подходил к ней, оставляя за спиной каких-то девиц, смотревших с завистью и насмешкой. И его удивительная грация большого хищника, кривая улыбка его полных, не по-мужски чувственных губ, его низкий голос снова звали ее куда-то, куда она мечтала и боялась пойти. И он снова, как тогда, приглашал ее на танец, а она, как тогда, не верила ему, ожидая насмешки, подвоха, ведь до выступления, когда будет невзначай объявлено, что она – лишь случайная жертва мерзкого извращенца, а не предательница, не преступница – было еще так долго, и он не мог знать, что с ней снова можно разговаривать, не боясь замараться. Он не мог знать, неоткуда было, но все же подошел, пригласил, рассмеялся на ее резкий ответ и вздернутый подбородок, рассмеялся хорошо, открыто, как только он один и позволял себе смеяться в то время.

– Ну, давай, не ломайся, ты же и забыла, небось, что такое настоящий мужчина, пока путалась со своим золотым извращенным мальчиком, – сквозь смех пролаял он, не пытаясь ни скрасить, ни облегчить ее положение, не льстя, а называя вещи своими именами. Она растерялась, не узнав в пригласившем ее известного музыканта и распутника, пораженная его наглостью и – не в последнюю очередь – смелостью.

Они даже не были в то время представлены друг другу, но он, видимо, точно знал, кто она. И она вдруг согласилась, готовая выдержать все насмешки, все, что приготовили – она тогда не сомневалась в этом – девицы, смеявшиеся за его спиной. Ведь скоро ее оправдают – и тогда им, а не ей придется краснеть за свою черствость. А еще ей внезапно польстило его внимание и то, как открыто он смеялся над ней в глаза, смеялся над тем, что причиняло ей боль, так просто, так грубо, что и ей захотелось рассмеяться. Вельд всегда умел ее смешить, она не понимала как ему это удается, но даже когда он говорил что-то злое и вовсе не пытался шутить, она смеялась. И в тот, первый раз она тоже смеялась, чувствуя свою зависимость от него, и принималась язвить в ответ.

– Ты, что ли, напомнишь? Не обольщайся, такие, как ты… – Но он уже понял, что она согласилась, уже увлек ее в центр зала, приобняв за талию, и его рука словно обожгла ей кожу сквозь платье, и он наклонился к ее уху, и напел своим знаменитым ласкающим голосом какую-то глупость. Она замолчала, отдалась танцу, потерянная в его казавшихся такими огромными руках, в песенке, которой он баловал ее слух. Она закрыла глаза, чувствуя, как внутри что-то зажигается, разгорается тот огонек, который последний ее роман, как ей казалось, должен был погасить навсегда. Оркестр в углу играл какой-то простой мотивчик, и он, пел, сочиняя на ходу что-то о глазах, волосах и губах, а потом, вдруг, закружив, зашептал:

Ада бьется, бьется Ада,
Словно пойманная птица,
И сама уже не рада,
Что ей Вельд ночами снится.

Она такая смешная была тогда, отпрянула, почти ударила его, яростно глядя ему в глаза, задохнувшаяся от его наглости и того сладкого, томительного чувства, которое переполняло

ее существо. Она чувствовала себя совсем девчонкой рядом с ним. Но его стишок представил его и она тут же узнала в нем известного музыканта, который прославился своими легкими победами и похождениями, чьи сладкие песенки по радио она всегда переключала, потому что ни секунды не могла выносить их фальшиво-страстных интонаций, и, узнав его, почувствовала себя польщенной и оскорбленной. Актриса в ней взбунтовалась, женщина растаяла как воск. Как хорошо, как правильно было бы поддаться ему, позволить ему решать, напиться, забыть в его руках и… завтра услышать новые сплетни о себе? Кому и что доказала бы она, позволив возникнуть случайной связи в этот вечер, в вечер ее грядущего триумфа, когда – вот пройдет еще немного времени – и все кинутся утешать ее из-за ее разорванной помолвки, все будут сочувствовать, уверять в искренней дружбе? Как могла она позволить этому всему сорваться просто из-за того, что известный распутник позволил себе помурлыкать что-то сладкое ей на ушко?

– Мечтай, – бросила она, отходя, не оглядываясь. И когда спиной почувствовала, что он идет за ней, добавила. – Отвратительные вирши.

Обернулась все же, когда он в ответ рассмеялся, и успела увидеть, как естественно и простодушно он развел руками, словно извиняя самого себя.

– И правда, не очень вышло. Ничего, в следующий раз повезет, – и, подмигнув, словно откинув какую-то мысль, отошел от нее. Ада поклялась себе, разъяренная, что не повезет, ни в следующий раз, ни в какой другой, что другого раза и не будет, что она принципиально не будет никогда с ним больше разговаривать, а уж тем более, танцевать, что она забудет о нем через две секунды. И, действительно, в тот раз почти сумела забыть, напившись, накачавшись триумфом, который грянул всего через полчаса, сумела выкинуть из головы, и не стала узнавать о нем подробностей и не искала его песен по радио. Но он напомнил о себе, и через несколько месяцев она стала его женой, и через год с небольшим он умер, и через восемь лет, теперь, стоя посреди этого проклятого зала, она помнила о нем и знала, что уже никогда не сможет забыть.

Ада вздрогнула, возвращаясь в реальность. Нужно было прекратить вспоминать, отвлечься, иначе она дойдет до самых мельчайших подробностей, восстановит точную картину и пойдет дальше, и снова, в который раз увидит, чем все закончится, и он снова придет к ней ночью в кошмарах, словно он не мертв уже давным-давно, словно его власть над ней все еще неоспорима. Чтобы бороться с этим нужен был алкоголь, нужно было снотворное, нужен был любовник, но Дима не мог прогнать ее кошмары. Вся его правильная расчетливость рассыпалась от одного прикосновения к ее огнедышащей иррациональной ярости, возникавшей из ничего. Единственное, что он мог ей дать – таблетки снотворного, которых не купить в обычной аптеке – может быть, поэтому она оставалась с ним. Но пока Дима об этом не подозревал, пока никто, кроме нее об этом не догадывался, она могла врать себе, что он ей нравится. Она умела врать себе, вот только на границе легкого опьянения и полной потери контроля таился ужасный момент, иногда секунда, порой гораздо больше, когда она видела все в истинном свете – и хватала следующий бокал, чтобы не думать о том, что только что поняла.

Подошел Арфов.

– Пьешь? – Не нуждаясь в ответе, он протянул руку за бокалом. И залпом осушил – Ада взглянула с пониманием и спрятала довольную улыбку за очередным глотком. Кто угодно сейчас годился, чтобы отвлечься от воспоминаний и тревожных раздумий о ее личной жизни, а личная жизнь Арфова годилась даже более чем, так как интересовала Аду с профессиональной точки зрения.

– Опять поссорились?

Он только махнул рукой, потупил глаза, но уже в следующую секунду нанес ответный удар.

– А Диму куда дела?

Она рассмеялась, чувствуя легкость и свежесть от опьянения. Омерзительный момент созерцания истины в прошлом, ее рефлексия в прошлом, и гори оно все синим пламенем. Умение переключаться – разве не оно нужно для того, чтобы быть по-настоящему хорошей актрисой? Может, не только оно, но профессия научила Аду именно этому.

– Да, мы с тобой как всегда в одной и той же заднице, – прозвучало несколько вульгарно, но он оценил и даже кисло улыбнулся в ответ, кивнув.

Они были такими разными – высокая моложавая женщина и ее стареющий агент с заметной лысиной и пивным брюшком, развязная истеричка и собранный профессиональный подлиза, но они были в одной упряжке и бежалось им вместе на удивление удобно. Она приносила ему небывалый доход, он вытаскивал ее из неприятностей и присматривал за ней, когда все остальные бросали. Она была его счастливым лотерейным билетом. Но признавала его правоту, когда он полушутливо-полусерьезно заявлял, что каждый заработанный им с ее помощью грош оплачен сединой в его волосах. И несчастным браком, могла бы добавить она. Ей всегда казалось, что Илья не подозревал, как много сознательного было в ее многолетней компании против его жены. И никогда бы не поверил, что эта несдержанная особа может быть такой предусмотрительной. Но иногда он говорил или делал что-то такое, что сбрасывало ее с небес на землю, напоминая, каким умным и коварным мог быть этот человек. Ссориться с ним было опасно, каким бы нелепым и простодушным он порой ни казался. Ада улыбнулась ласково, чокаясь со своим лучшим другом. У других женщин были подружки, с которыми можно поболтать о мужчинах и нарядах, а у нее только он, да домработница. Но этого было больше, чем достаточно.

– Когда-нибудь все наладится, – легко ввернула она, подразумевая, что когда-нибудь он разойдется с Майей, и тем самым она одержит окончательную победу, но Арфов понял все как всегда непредсказуемо, улыбнулся, возвращая подачу.

– Я тоже так думаю. Ты бросишь этого своего доктора, возьмешься за ум и, может быть, я даже выдам тебя замуж за нормального человека.

Один-один, он тоже знал, как ударить ее больнее.

***

Центральный концертный зал – огромная сфера из белого стекла и хромированного металла, надутый пузырь амбиций и роскоши – считался шедевром новой архитектуры. Верхнюю часть, отделенную от небосвода стеклянной крышей, в любую погоду сохранявшей прозрачность, занимал банкетный зал, который при необходимости мог превратиться во что угодно – от стадиона до кинотеатра. Сатурнианским кольцом опоясывал сферу балкон, вмещавший огромное количество народу и лишь исчезающе-тонким парапетом отделенный от улиц, раскинувшихся под ногами. Гости, собиравшиеся после похорон пока не выходили наружу, это позже, когда совсем стемнеет, они выскочат на балкон, чтобы полюбоваться на то, как из крематория, находившегося совсем рядом, повалит густой дым, окрашенный и подсвеченный – будут кремировать покойного, заканчивать эту главу истории Евразии и развлекать все еще живых. В ОЕ давно никого не предавали земле – земля нужна живым, вспомнилось Аде, мертвым она ни к чему – и похороны давно потеряли свой традиционный облик. Разве что в храмах отпоют, да вот еще на небольшую кафедру в центре зала взобрался какой-то видный церковный деятель, – кардинал, Папе нездоровилось в последнее время – читать проповедь, не отличимую от уже прозвучавших речей политиков, не отличимую от того, что еще будет сказано. Ада отвлеклась, мимо прошел человек, быстро, почти бегом, тоже едва ли слушая, что вещает с кафедры кардинал, и Аду поразило обеспокоенное выражение его лица, так контрастировавшее с абсолютно ровным выражением глаз, взгляд которых, как ей на секунду показалось, мгновенно сканировал каждого человека, попадавшего в поле его зрения, и задер-

жавшегося на ней несколько дольше. Его глаза зафиксировались на ней, и Ада вздрогнула от чувства, что вся видна, насквозь, до костей, до самых потаенных мыслей. Она поторопилась опустить глаза в бокал с вином, но, едва он прошел мимо, снова стала искать его глазами, удивленная тем, насколько раздраженными выглядели его малейшие жесты. Она никогда не видела его таким встревоженным, и, могла поспорить, никто в ОЕ никогда не видел. Герман Бельке, главный хранитель Государства, начальник службы охраны порядка и общественной безопасности, структуры объединившей в себе полицейские, специальные, разведовательные и контр-разведовательные, следственные, прокурорские, и кто знает какие еще функции, славился своим спокойствием. Глядя на его строгое, словно из стали отлитое лицо, люди в ОЕ всегда чувствовали, что, пока он бдит, они в полной безопасности. Учитывая количество терактов, предотвращенных его службой, количество выявленных и осужденных шпионов, преступников и заговорщиков, можно было не сомневаться, что дело свое он знает очень хорошо. Ада, во всяком случае, никогда не сомневалась – люди в темно- серой форме, с их спокойными, гладкими лицами, мягкими, незапоминающимися голосами и пустой улыбкой, одно время, восемь лет назад, вызывали в ней ужас, но со временем она научила себя доверять. Ведь если не верить, что они озабочены только безопасностью – ее личной и ее страны – кому и чему вообще можно верить, как можно жить? Она знала, про ошибки, про просчеты, сама была свидетельницей их несколько топорной работы, но разве можно винить руководителя во всех грехах исполнителей? Он был совершенством, его подчиненные брали с него пример, и то, как жестко он расправлялся с теми, кто не соответствовал высоким требованиям, убеждало ее, что однажды все огрехи будут исправлены, и служба охраны сделается идеальной. А теперь он шел мимо, торопился, и выглядел таким… человечным, что внутри у Ады все сжалось. Может, он тоже чувствует это, подумала, может, тоже замечает, как много стало беспорядка, разброда вокруг, как ослабилась узда, и всякая гадость полезла из еще недавно таких благонадежных граждан. Ей стало неуютно – когда видишь тревогу на лице руководителя службы безопасности, поневоле начнешь волноваться.

– Что тут планируется? – Поинтересовалась шепотом у Арфова, когда окончательно потеряла Германа из виду, что было неудивительно, учитывая толпу, ее состояние и его высокий профессионализм. Неизвестно какой по счету бокал перекочевал из ее руки на поднос проходившего мимо официанта. Ада поняла, что еще немного, и она потеряет контроль над собой – и так уже в голове приятно шумело, пожалуй, громче, чем следовало бы. Домой, пора домой, взывало благоразумие, но это не она, это Илья должен принимать такие решения.

– А что может быть? Речи, речи и еще раз речи. В основном о неоценимом вкладе покойного в мир и становление нашей демократии. Не думаю, что планируется что-то интересное. Разве что ближе к ночи, когда начнут сжигать, но если хочешь, через пару часов можно будет незаметно ускользнуть домой. Ты только поосторожней с этим, – он выразительно покосился на ее бокал. – Не хочу, чтобы было как в прошлый раз, у нас Комиссия в понедельник…

– Да помню я! – Она улыбнулась, несмотря на резкость тона. Взяла его под руку, положила голову ему на плечо, наплевав на то, как на это отреагируют окружающие – его жена, Дима, кому там еще интересны их ни в малейшей степени не предосудительные отношения. Маленькой девочкой свернулась у него на плече, змеей пригрелась на груди, снова зашептала:

– Ты же присмотришь за мной, правда? Отвезешь домой… не сейчас, позже, конечно, как ты и сказал, но так не хочу никого больше видеть, так устала, а ты единственный, кому я могу доверять, и, знаешь, Илья, я вообще-то тебя очень… ты мне так дорог, ты мой единственный друг, – щекой почувствовала, как дернулось его плечо.

Улыбнулась в ткань его пиджака, поняла, что слишком опьянела, что совсем не злится на него за то, что он за ней шпионит, почувствовала растерянность, обескураженность. Мир рушился, ее отношения рушились, а жизнь продолжала идти так, словно ничего и не случилось. Но она теперь точно знала, сформулировала ощущение, возникшее, когда она увидела грязь

вдоль ковровой дорожки. Что-то сдвинулось в мире. Словно сдернулись с нитей марионетки, заплясали пляской смерти по собственной воле, и не осталось ничего, за что можно было бы схватиться, на что можно было бы опереться, кроме разве что Ильи Арфова и его безупречного вкуса, судя по тому, как приятно льнул к щеке его пиджак.

– Ну-ну, – он неловко похлопал ее по плечу, отбирая из ее несопротивляющихся рук очередной, неизвестно как попавший в них снова бокал. – Совсем развезло… – смущение в его голосе не радовало ее, но наполняло покоем. Пусть он выбирает, пусть решает, пусть уже кто-нибудь начнет решать за нее, спрячет ее от необходимости думать, беспокоиться, пусть ей скажут слова роли, пусть объяснят, что играть, она сыграет, она согласна, правда, только оставьте ее в безопасности, тепле и уверенности, что завтрашний день не окажется хуже вчерашнего… Она верила когда-то, что Вельд с его грубой силой и беззастенчивой жаждой жизни защитит ее, она верила, что это сделает любовь, или ее карьера, а потом уповала на благосклонность Президента Горецкого, но сейчас не осталось ничего, даже Арфова, который, похоже, считал ее поведение не то очередным спектаклем, не то результатом действия алкоголя.

– Вот так лучше, – она вдруг поняла, что он куда-то ведет ее, поддерживая, заставляет делать шаг за шагом, и тихо рассмеялась тому, как безуспешно пытался он скрыться в толпе, не привлечь к себе внимания.

Интересно, что по его мнению лучше – если все поймут, что она опять напилась, или если решат, что они любовники. Аде было плевать, она держалась за Арфова как могла крепко, пусть он потом сам все разгребет, решит, выкрутится, он же так хорошо умеет выкручиваться, пусть опять спасает ее, пусть будет рядом, пусть так будет всегда-всегда, навеки, и ничего не меняется, потому что, когда что-то меняется, она уже знала, это всегда к худшему.

Прохладный воздух вдруг окружил ее, защекотал скопившееся внутри тепло. И она почувствовала, как он усаживает ее в одно из кресел, установленных на балконе, чтобы гостям, пожилым и нездоровым, а, может быть, просто слишком важным, чтобы стоять, было комфортнее наблюдать за тем, как великий человек развеется дымом в весеннем воздухе. Ада сползла ниже, подальше от любопытных глаз, запрокинула голову, беспокойно заулыбалась, глядя на тревожное лицо Арфова и испытывая в этот момент к нему такое чувство благодарности, что и слов не могла найти. Вот такой он и должен быть, вечно-вечно, беспокоящийся о ней. Ей все-таки удалось вынудить его взять за нее ответственность, в очередной раз, и от этого внутри стало так хорошо, спокойно.

– Посидишь тут? Буянить не будешь? Мне долго нельзя задерживаться, ну зачем нам опять слухи о нашем романе, правда?

Покачала головой, вытянув ноги и скинув туфли. Нет, никуда она его не отпустит, никому не отдаст.

– Я буду хорошо себя вести, – запела детским голосом, наплевать, что ей уже за тридцать, что за спиной столько всего страшного, что можно сойти с ума, что остались там, в зале, торжественные речи и завистливые лица. Протянула руку. – Не уходи только, я одна… боюсь.

Но в стеклянной двери уже мелькнуло холеное тело его жены, уже яростный взгляд скользнул по ним, и Арфов отпрянул, оглянувшись, беспомощно. Смешно, как сильно умный мужчина может зависеть от своей ревнивой жены, смешно и обидно.

– Ада, послушай меня, я скоро вернусь, хорошо?

Он исчез как-то, она даже не поняла, как это произошло, и когда заметила, что сидит совсем одна, бессмысленно глядя в пространство, разозлилась, изогнулась кошкой, швырнула одну из туфель куда-то в сторону двери, куда он ушел, конечно, не попала, и снова откинулась на спинку кресла, ощущая, как тепло внутри пульсирует, заставляя сдвинутый мир кружиться перед глазами. Бросил ее, ушел, как уходили все, как ушел Давид, как ушел Вельд, как ушел когда-то ее отец, как спрятался в скорлупу желторотый Дима, как когда-то Майя и ее собственная мать отвернулись в отвращении, прошли мимо, не волнуясь о том, что она тут

одна, посреди огромного страшного города, подсвеченного кое-где белыми фонарями, бросавшими странные отблески на серо-стальные дома. Одна посреди Вселенной, никому не нужная и всеми забытая. Там, внутри, в зале остался ее образ, воспоминание о ней, слухи о ней, но сама она была тут, закутанная, как она вдруг заметила, в свою черную псевдо-меховую накидку, Арфов умел о ней заботиться, но он же ушел, предал ее, оставил одну, и так поступают всегда, наслаждаются ее игрой, ее образом, но сама она, кому и когда нужна была она сама, в тридцать пять уже считающаяся стареющей актриса в мире, где так ценится молодое мясо, упругая, свежая плоть, в мире, где каждый день она борется против времени, условий, одиночества, против самой себя, пьяная, глупая девочка в красивой обертке, напуганный зверек, затаившаяся кошечка, которой только и нужно, чтобы всегда были руки, способные гладить, руки, которые будут кормить и ласкать, и не давать думать, решать самой.

От нахлынувшей жалости к себе закипели в уголках глаз горячие пьяные слезы, и она свернулась комком, сжалась, сдуваясь как воздушный шарик к сморщенной сути себя, закрыла глаза. А звездное небо и замерший город смотрели на нее, и ветер теребил темно-каштановые волосы, рассыпавшиеся по плечам, развалившуюся сложную прическу, и внутри было так тепло, а снаружи так холодно, что она сжалась сильнее и плакала, не трезвея, засыпая.

***

Его серо-ледяные глаза напротив рождали в ней черные дыры. Ада сидела, плотно стиснув колени и крепко прижимая к себе сумочку. Ремешок скользил в пальцах, очерчивая ее нервозность. Их разделял столик, но ей казалось, что он ближе к ней, чем когда-либо был ее собственный муж. Он неторопливо глотнул пиво из высокого бокала, и все в нем – его четко выверенные движения, разворот плеч, посадка головы, взгляд – все, казалось ей, выдавало его род занятий, несмотря на то, что он явно пытался это скрыть, одевшись в гражданское.

– Вы изменяет мужу? – Тем временем поинтересовался он, ставя бокал точно по центру подставки, и она даже вспыхнула, возмущенная вопросом.

– Я замужем восемь месяцев, – посмотрела с вызовом, как будто это все должно было объяснить. На лице напротив ничего не отразилось, глупо было думать, что он этого не знал. Но для него это ничего не значило. Сглотнула, отпустила ремешок сумки, заставила себя вести себя естественней. Но ладоням не лежалось на столе, пришлось сцепить пальцы, чтобы не так заметна была дрожь. – Нет, не изменяю.

– А зря, – она недоверчиво посмотрела, не понимая, почему шутка звучит так сухо, но, столкнувшись все с тем же спокойным взглядом, поняла – это не шутка.

Раздались еле слышные шаги и в узкой полоске света под шторкой, отделявшей их «гнездышко» от остального зала, мелькнула тень. С невероятной скоростью рука мужчины метнулась через столик, легла на ее чуть дрожавшие руки, а лицо мгновенно приняло сладкое, даже приторное выражение, и только взгляд не изменился. Вошла официантка, и он отпрянул, дав девушке всего несколько мгновений, чтобы увидеть их прикосновения. Ада залилась краской, он чуть улыбнулся. Официантка поменяла пепельницу, тоже улыбаясь, вышла.

– Ну вот, теперь изменяете, – прокомментировал произошедшее он. Ада ощутила, как краска сходит с лица, и его заливает бледность. Она чувствовала себя как насекомое, попавшееся в лапы пауку – яд уже проникал в ее кровь, и скоро она станет такой мягкой. Податливой и готовой к употреблению. Скоро она будет полностью парализована. Какая мерзость. Отвращение мелькнуло на ее лице, и помимо воли вырвалось:

– Муж меня убьет, – и даже не одернула себя, почувствовав, что глубокая морщинка привычно пролегла между бровей. Тогда еще могла позволить себе не слишком волноваться о морщинах.

– Об этом вам не стоит беспокоиться, – он чуть заметно кивнул. – Мы позаботимся о вас. Мы вас защитим. Все, что вы рассказали – очень важно.

Он неторопливо допил пиво, вернул стакан на место все тем же простым и безупречным движением.

– Мне пора идти, – слова все еще давались с трудом, в горле першило, и она много отдала бы за то, чтобы вместо кофе заказать что-нибудь более крепкое, или хотя бы добавить в чашку виски, но ждать пока принесут этот новый заказ было невмоготу. Кожа рук, где он прикоснулся к ней, зудела так, словно никакой кожи больше не было. И хотелось мыть руки, мыть снова и снова, как леди Макбет, пытаясь избавиться от кровавых следов, следов преступления.

– Разумеется. Если вдруг что-то случится – что угодно – не обращайтесь… ни к кому. Звоните сразу по этому телефону, и вы будете избавлены от неприятностей.

Маленькая белая карточка легла на стол.

– Выходите быстро, не оборачивайтесь. Помните, теперь мы скрывающиеся любовники, – напоследок он улыбнулся чуть теплее, но от его взгляда у нее все еще бежали мурашки по спине. – Хорошего дня, гражданка Штибер.

Фамилия мужа резанула слух, и Ада засобиралась быстрее. Закрылась темными очками, сжимая сумочку, выскочила из ресторана. Она чувствовала себя такой грязной, что хотела только одного – добраться домой и принять душ. Отмыться от всего произошедшего, хотя позже, устраивая себе допрос с пристрастием, она не могла понять, что именно случилось. Ей казалось, она и впрямь изменила – или скорее, она была изнасилована в этом отдельном кабинете. Хотя единственное прикосновение и длилось не больше секунды. Но что это было, зачем был этот фарс, зачем столько унижения, если она больше никогда не встречала этого человека? И никто никогда ей не звонил, не напоминал об этом. Только слухи поползли, она до сих пор с ними иногда сталкивалась, но Вельд об этом так никогда и не узнал.

Все это было позже – много позже, а тогда она бежала из ресторана со всех ног, еще не зная, как скоро ей придется воспользоваться данным на случай каких-либо проблем телефонным номером…

Ада встрепенулась, выныривая из липкого пьяного сна, и поняла, что задремала прямо на улице. Поежилась, поднялась, пошатываясь. Хорошо, если никто ее не видел – но как могли не видеть, вездесущая служба охраны, наверняка, и за балконом следит в режиме реального времени. Оставалось надеяться, что ничего такого предосудительного она во сне не говорила. Впрочем, им ли было не знать о том случае, о том, как все закончилось, и к чему привело – ведь тогда она поступала абсолютно правильно, так что даже неплохо, если она говорила об этом во сне. Хотя лучше бы – кричала лозунги и повторяла патриотические воззвания. Но не снились ей, не снились, много лет не снились ее роли, а все только Вельд и его смерть, и еще тот страшный, на паука похожий человек в отедльном кабинете ресторана, который пришел на назначенную встречу выслушать донос на ее собственного мужа.

Было холодно. Ада поднялась, зябко ежась, обратила внимание, что куда-то делась правая туфля, и совершенно невозможно было в таком виде вернуться в зал. Смутно припоминала, как совершенно невменяемая с Арфовым шла дышать, и надеялась только на то, что никто из гостей не выходил еще – да и на то, что спала недолго. Впрочем, в этом можно было быть почти уверенной. Если бы с ее кошмарами она могла надолго засыпать, у нее бы не было столько проблем со снотворным, не так ли? Ада чувствовала, что от опьянения не осталось и следа и, разувшись, сделала несколько шагов, зорко вглядываясь в пространство окруженного парапетом балкона – куда же делась эта чертова туфля? Хорошо, что света было довольно много – он лился из окон зала, но если не подходить слишком близко, то ее, скорее всего, изнутри не увидят.

Выглядела она, скорее всего ужасно, и увы, увы ей, была уже слишком трезва, чтобы не беспокоится об этом. Дура проклятая, Илья же просил ее вести потише, и был прав, абсолютно прав, он в этих вещах всегда разбирался превосходно, гораздо лучше, чем она сама. А она что делает? Потекшая, наверняка, тушь, смятое платье, о волосах лучше даже и не думать – и в довершение ко всему босая. Бродяжка какая-то, грязная попрошайка, а вовсе не кинозвезда Объединенной Евразии, и будь она моложе, будь наглее, сама бы посмеялась над собой, но сейчас чувствовала себя просто глупо, и еще было холодно, и хотелось зайти обратно в зал, в тепло, выпить чего-нибудь согревающего, но где же, куда запропастилась эта чертова туфля? Осторожно шагая и вглядываясь во все темные углы, она почему-то шла вперед, хотя зашвырнуть обувь так далеко она едва ли смогла бы в своем состоянии. Нужно вернуться и поискать под креслом, подумала, но тут замерла.

Впереди стояла темная фигура, застыла у парапета с сигаретой в руке. Высокий мужчина, которого она не могла узнать со спины смотрел на здание крематория, находившееся совсем рядом, рукой подать и высотой даже превосходившее Концертный зал. Смутная вспышка надежды на то, что это Арфов поджидает ее пробуждения, погасла моментально. Слишком высокий рост, не тот разворот плеч и не свойственная Арфову поза. Мужчина стоял к ней спиной, спокойно курил, и Ада замерла, по-детски прижав к груди оставшуюся туфлю, прикусив губу и совершенно не зная, что делать дальше. Привлечь его внимание, попросить помощи? Вот глупости, тогда он увидит ее, и страшно подумать, какими заголовками завтра будут радовать читателей желтые газетенки. И так будут, конечно, но одно дело, слегка осоловевшая звезда в обнимку со своим менеджером, и совсем другое – то, как она выглядела сейчас. Можно, конечно, незаметно отойти обратно, спрятаться где-нибудь в глубокой тени и надеяться, что он не увидит ее, но скоро ведь гости все равно выйдут на балкон. Можно было попробовать тихо-тихо вернуться, и она даже начала постепенно отступать назад, надеясь, что он не обернется прямо сейчас и не увидит ее, глупую золушку, прозевавшую превращение кареты в тыкву. И все шло совсем неплохо, она, не отрываясь смотрела на застывшего мужчину, отступая назад и готовая, если он обернется, моментально метнуться к креслам. Стыд, вот что это такое было, и если она полагала, что забыла о существовании такого чувства, то она еще глупее, чем думали о ней окружающие. Но пока ей все удавалось, и она, ободренная, почти сумела обогнуть легкий изгиб стены, откуда ему уже не увидеть ее, и он вдруг одним движением поднял левую руку, как если бы посмотрел на часы, вышвырнул сигарету, и…

Мир содрогнулся. Там, за его левым плечом, она увидела яркую вспышку, подумала – странно, ведь еще не время – а потом все объял грохот, шум, громче которого она никогда не слышала, и уши заложило, и она подумала, скорость света быстрее скорости звука, и мужчина обернулся и во вспышке, отразившейся от стеклянных стен пиршественной залы, она увидела его лицо, а он увидел ее, и она вдруг поняла, что он узнал ее, и лицо его исказилось ужасом, а следом за тем он бросился вперед, и вторая вспышка, обгоняющая звук, мазанула по глазам, и ударная волна, подтолкнувшая его в спину, и сильный рывок на землю, и сверху ее накрыло чем-то тяжелым, а грохот и звон сливались с криками из зала, и она чувствовала как в ее щеку вжимается прохладная шерстяная ткань, и она кричала, а вокруг падали осколки, не причинявшие ей вреда, и в какой-то момент она попыталась повернуть голову, чтобы увидеть что происходит, полуслепая от ужаса, и ее сильнее вжало в землю, и чей-то голос надрывно прошептал – «лежи смирно!» – и вспомнился Вельд, воплощение всех взрывов и катастроф ее маленькой глупой жизни, и ужас затопил все чернотой, и она потеряла сознание.

***

Ада очнулась, лежа на боку, шерстинки раздражали щеку. Повернула голову, которая отчего-то сильно болела, оглядываясь. Попал в поле зрения диван, стоявший в небольшой ком-

нате, наверное, одном из тех небольших кабинетов, располагавшихся ниже основного зала – то есть она все еще была в Концертном зале. Освещал комнату только торшер – и в кресле рядом, обеспокоенный, сидел Илья, смотрел на нее в упор.

– Арфов, – выдохнула она, удивленная тем, как хрипло звучит голос, словно она сорвала его. Почему-то сильно болело горло.

– Тихо-тихо, все в порядке, – забормотал он, поднимаясь и подходя к ней, но выражение лица противоречило его словам. Он потрогал ей лоб, видимо не зная, чем еще можно помочь. Ада попыталась поднять голову, и та оказалась неожиданно очень тяжелой.

– Что произошло? Там было что-то… что с крематорием.. Что со мной? – Она попыталась вспомнить, что было после того, как она услышала грохот, но все произошло так быстро, что она даже не поняла, что именно запомнила.

– Ты успокойся, – неуверенно сказал он, но, глядя на ее вмиг помрачневшее лицо, неохотно добавил. – Крематорий кто-то взорвал. А ты потеряла сознание и, видимо, ударилась головой, но тут я не уверен. А да, еще руку порезала.

Она с недоумением посмотрела на свою левую руку, перебинтованную наспех, но, очевидно профессионально.

– Я ничего не понимаю, – честно призналась она. – Что значит «кто-то взорвал»? Технические неполадки? – Учитывая, как все было организовано, это не казалось таким уж невероятным.

– Теракт, – коротко пояснил он, протягивая ей стакан с водой. – Много пострадавших, тех, кто был около здания – и внутри, конечно.

Он беспокоился – она это видела – о том, как она воспримет новости, но что-то еще тревожило его, это было явно, и он старался скрыть одно за другим. Она тоже иногда могла читать его мысли.

– И что еще?.. – Ада почему-то не испытала привычного страха, узнав о взрыве. Хотя и кричала – теперь она помнила, что кричала, – но страха не было, может, всему виной шок.

– Ада… ты на балконе была не одна? Что ты там делала? – Осторожно осведомился Илья, садясь на край дивана и принимая из ее рук пустой стакан.

– Я там отрубилась… ну то есть сидела и смотрела на звезды, потому что кое-кто ушел и бросил меня одну, – ядовито бросила. – Потом куда-то делась туфля, и я пошла ее искать, и там кто-то стоял, но я не знаю… – И тут же поняла, что знает, вспомнила лицо, но подумать об этом было так странно. – А потом грохот и свет и меня кто-то толкнул – и…А в чем дело?

– Ну у нас тут стекла повылетали, и есть несколько серьезно раненных, я уж не говорю, что на балконе тебе бы еще хуже пришлось, но тебя вовремя «толкнули» и прикрыли от осколков, – он поджал губы так плотно, что они стянулись в тонкую ниточку.

Он не шутил, и ей вдруг расхотелось его дразнить.

– Слушай, Ада, я, может быть, покажусь тебе старым параноиком, но Герман Бельке не тот человек, с которым стоит связываться.

– Герман? – Она удивилась, но больше тому, что Илья подумал, что у нее и начальника службы охраны может быть что-то общее. Ну и, разумеется, тому, что, даже не присутствуя на балконе лично, поглощенный суматохой вечера и истерией взрывов, после скандала с женой и ее собственной пьяной выходки, он умудрялся быть в курсе, где она была, чем занималась и кто конкретно прикрывал ее от летящих осколков. – При чем тут он…

– Ладно, ладно… может, это, конечно, ничего и не значит, и вы действительно совершенно случайно оказались оба на балконе, и он совершенно случайно изобразил из себя супергероя, спасая твое дорогущее личико и еще более дорогостоящие части тела от неприятных повреждений… – Илья отмахнулся, испытывая облегчение. Он убеждал самого себя – и весьма успешно, насколько она могла судить.

– Именно так все и было! – Вспыхнула она. Замолчала, чувствуя странное беспокойство и улыбку, помимо воли расползавшуюся по губам. Это было чертовски приятно сознавать, что спас тебя такой человек – и мгновенно он обрел ореол героя – и ей стало интересно, как именно он ее спас, и как прикрывал собой, и какой на ощупь был его костюм, и как чувствовались его руки, и как она сама при этом выглядела, и заметил ли он отсутствие проклятой туфли и ее в целом весьма непрезентабельный вид – жаль, что ничего из этого она никогда не узнает.

– Ада, – предупреждающе начал Илья, но она отмахнулась. – Дима, кстати, очень беспокоился, пока не нашел тебя, принес сюда, обработал тебе руку и отправился к месту катастрофы – оказывать помощь, если там конечно, еще остались те, кому нужно ее оказывать.

Она чуть заметно кивнула – двигать головой было больно, видимо, она все же ударилась, или это такое теперь у нее похмелье? – словно торжественно подтверждая, что оценила героизм своего официального ухажера, но не чувствуя никакого подъема. Это же было его работой, разве нет? И в этом не было ничего, что намекало бы на романтику, на из ряда вон выходящий поступок, вроде того, что совершил этим вечером Герман Бельке.

– Так он там… – Илья удовлетворенно выдохнул, надеясь, что она забудет те глупости, которые, как он подозревал, уже начали созревать в ее голове, но она уже продолжила, стирая облегчение с его лица. – Кто же отвезет меня домой в таком случае?

***

В квартире было совсем темно – и пусто, конечно. Норы не было, экономка уходила в девять вечера, если Ада не просила ее остаться. Но утром, тысячу лет назад, кто бы мог подумать, что ей будет нужна компания, что ей снова страшно будет оставаться одной? Она прошла по всем комнатам, дрожащей рукой включая свет, и нервно оглядываясь. Прежде, чем зайти в ванную, простояла у закрытой двери минут десять, не решаясь заглянуть. Только сейчас до нее начинало доходить произошедшее, но она отказывалась об этом думать. И все же мысли приходили – неужели опять? Так быстро – всего три дня, как мир лишился одной из своих опор – и уже гремят взрывы и умирают люди. Нет, раньше террористические акты тоже случались – не дремали враги Евразии, постепенно приобретавшие адский облик исламские фундаменталисты, заговорщики, мало ли кто еще – но исполнителей всегда ловили и примерно наказывали, и никогда эти теракты не были такими наглыми, такими беззастенчивыми. И еще происки врагов служба охраны часто предотвращала – когда-то каждые несколько месяцев объявляли о раскрытии очередной группировки, а в последние лет пять-шесть все как-то затихло. А теперь начнется снова. Ей было страшно, и, не в силах успокоиться, она бродила из комнаты в комнату – сизое приведение, тень самой себя с перевязанной рукой в измятом вечернем платье – черном, как и положено на похоронах. Так и не собралась с силами переодеться, хотя ее некогда такой красивый наряд за сегодняшний вечер успел превратиться в половую тряпку. Даже Норе не отдашь, чтобы привела в порядок, не подаришь – стыдно будет за такое «благодеяние».

Сердце колотилось как бешенное – и она все больше и больше злилась на Диму, который сейчас должен быть рядом с ней, а не в развалинах крематория. Он там уже ничем никому не поможет, думала, пытаясь не пустить за веки картины – раненных, убитых, искалеченных, пострадавших. А ей он бы так помог, появился, сияя уверенностью и порядком, живое воплощение спокойных, скучных и таких милых последних лет. Пусть тоскливых, пусть скучных – сейчас она многое отдала бы, чтобы Президент жил вечно и не было ни этих ужасных похорон, ни этого закравшегося сомнения, ни этого взрыва, беспрецедентного в своей наглости. Ведь это значит, враги пробрались в самое сердце Столицы, ничего не боятся негодяи. Был бы жив Президент, они бы не посмели, он бы защитил, самим фактом своего существования цементируя их хрупкий, хрустальный мир. Без него она ощущала себя сиротой, хотя он ничем не напоминал ее отца.

Наконец, Ада не выдержала и подошла к ночному столику, в верхнем ящике которого Дима иногда оставлял таблетки – в основном, когда не мог ночевать у нее или после жутких истерик, которые она закатывала ему, измучившись от бессонницы. Он иногда говорил, что ей следовало бы обратиться к врачу в связи с ее нарушениями сна – но небольшой опыт в этом вопросе, привел ее к выводу, что это бесполезно. Причиной ее бессонниц были кошмары, а о них она говорить не любила. Все ее проблемы составляли такой органичный замкнутый круг, что тут уж ничего не исправишь. Ее трудности со сном превосходно решались снотворным, а врачи, психологи полезут в душу, начнут копаться в том, в чем она копаться совершенно не собиралась и шантажировать ее – будьте умницей, гражданка Фрейн, вывернитесь наизнанку ради нашего удовольствия и тогда мы, может быть, дадим вам таблетки, чтобы вы могли уснуть, но до того, будьте так любезны немного душевного стриптиза… Нет уж, она знала все заранее, не нужны ей были никакие врачи, кроме тех, что без рецепта могли достать нужное лекарство.

Пилюли, которые давал Дима, помогали не всегда – и кончились еще вчера, она знала это точно, но, окрыленная какой-то иррациональной надеждой, все равно заглянула внутрь деревянного ящика и принялась торопливо, суетливо рыться, перебирать лежавшие там мелочи, выгребать все и складывать обратно. Через пять минут, не найдя лекарств, она с силой захлопнула ящик и выругалась, что позволял себе так редко. Ада чувствовала, что руки начинают дрожать сильнее. Перспектива бессонной ночи в одиночестве пугала ее все больше и больше. Она уже видела, как усталая, изломанная лежит в постели, чутко ловя каждый звук, каждый шорох, плача от бессилия, злясь и вспоминая – а она так не хотела ничего вспоминать. Это был слишком тяжелый день, слишком мучительный, чтобы длить и длить его, нет, только не это! Она резко отодвинула прикроватную тумбочку, окрыленная фантазией, что что-то могло завалиться за нее, перерыла все углы, и все полки – и нигде, нигде не могла найти свое снотворное.

Подрыв жилых домой был довольно редким явлением, но она почему-то была уверена, что если и начнут взрывать – то начнут с нее. Мистическая уверенность подкреплялась кое-какой логикой, но сильнее всего пугала не логика, а именно это определенное, четкое знание. Она словно уже слышала, как в ночи гулко разносится шорох и шепот, и идут, идут орды, и нет у них иной мечты, иного желания, кроме как причинять боль, и она будет первой в списке. Казалось, дверь подъезда открывается – одновременно бесшумные и грохочущие тени пробираются на ее этаж, скребутся о косяк, прилаживая к нему хитроумные устройства, чтобы разнести в щепу, чтобы залилась комната невыносимым жаром, чтобы плавилась кожа и мебель, горели глаза и наряды, и крик, крик рвался, но не вылетал из комнаты, заполняющейся дымом.

Она сняла и отшвырнула испорченное платье, накинула на плечи цветастый синтетический халатик, притворявшийся шелковым. Постаралась отвлечься, кинулась к телевизору, закурила, села в кресло, уставившись на экран, по которому раз за разом, бесконечно крутили кадры взрыва, словно помешались на этом, повторяли и повторяли одно и то же – снятый с разных точек, страшный пожар. И никаких комментариев не давали, вероятно, было еще слишком рано делать выводы о том, что все это значило. Она глубоко затянулась, понимая, что кошмар только начинается. Потом резко выключила телевизор, вскочила, выбежала в прихожую и как ненормальная принялась обшаривать все карманы – курток, плащей, но в основном пиджаков, пиджаков Димы. Рука ныряла в темную прохладную ткань и сердце замирало на мгновение, и она забывала сделать вдох, надеясь, что вот-вот, вот-вот…

Сумасшедшая наркоманка, сказала себе, но разве это имело значение? Не найдя ничего похожего на таблетки, она устало сползла по стене, села на полу, раздавленная, опрокинутая кукла, вытянув ноги, опустила голову и заплакала, тихо, по-детски всхлипывая. Сейчас она сделала бы что угодно, отдала бы что угодно за то, чтобы выгнать этот страх, а это мог сделать только сон или секс или алкоголь, но ни то ни другое ни третье ей было недоступно. Таблеток нет, Димы нет и нет ни грамма выпивки – за те три дня что она мучилась бессонницей, а Дима где-то пропадал, она выпила все, что только можно было выпить в доме.

Когда слезы немного утихли, она подползла к двери, проверяя замки. Щеколды в новых квартирах не устанавливались, запрещено, ну вдруг пожар, ну вдруг маленькие дети – но только сейчас пришло в голову – это же так небезопасно, придут враги, и чего им будет стоить открыть эту дверь? Мысль о том, чтобы выйти из дома, дойти до магазина пришла в голову и тут же упорхнула – комендантский час, магазины закрыты, даже тот маленький за углом, в трех минутах ходьбы, где иногда можно было купить алкоголь даже ночью, даже во время запрета на продажу, и он, наверняка, сейчас тоже открыт, – но как выйти в эту черноту, как найти в себе силы выползти из дома? Казалось, сердце разорвется от ужаса при одной мысли об этом.

Потянулась к телефону, набрала номер Арфова, но он не отвечал – видимо, опять ругался с женой на тему того, что отвез ее, Аду, домой, когда она прекрасно могла бы добраться сама. Ругался и отключил телефон, такое с ним бывало в последнее время все чаще, хотя когда-то он и убеждал ее – «звони в любое время» – может, она слишком уж часто пользовалась его расположением?

Протяжные всхлипывания превратились в тихое поскуливание, и вот она уже – напуганная собака, поджавшая хвост, уши прильнули к голове, и как хорошо было бы, будь у нее хозяин, человек-бог, способный защитить, способный позаботиться, хорошо бы стать собакой, но кому она нужна, стареющая глупая, глупая, глупая, совсем не милая и столько сил прикладывающая для того, чтобы выглядеть хотя бы пристойно? Все ее бросили, все, и она уже плакала об этом сегодня, пожалуй, слишком много слез для одного, пусть и страшного дня, но тогда она еще и не догадывалась о том, насколько напуганной, насколько одинокой можно быть. Полностью освещенная квартира подбиралась к ее босым ногам, тенями в лучах ослепительного электрического света подбиралась к ступням, какие-то чудища, прячущиеся на свету, готовились схватить ее и утащить куда-то в пропасть абсолютного безумия.

И пошевелиться казалось невозможно, но необходимо, и все так же, не поднимаясь с пола, она проползла по коридору в спальню, нашла постель и забралась на нее, закуталась в одеяло с головой, дрожа и плача. Перебинтованная рука натужно болела, но каким это было неважным по сравнению с тем, как болело сердце.

Она закрыла глаза, повторяя про себя – я могу уснуть, я могу уснуть, я могу уснуть – и еще – я в безопасности, я в безопасности. И не верила ни тому, ни другому. Одеяло прильнуло к коже, которая словно превратилась в один раскаленный нерв, но теперь только оно защищало от теней, прячущихся на свету, и как уснуть со светом, и как без него уснуть?

Кто-то учил ее – считать до десяти, до ста, и она начала, а потом еще – вспоминай что-нибудь по секундам, какая ирония, но она послушно принялась вспоминать, и как назло вспоминался только сегодняшний день. И утро в памяти минуло, и минул день, и потом расплывшееся пятно вместо вечера, и балкон, и, конечно же, грохот, обернувшееся к ней, искаженное лицо начальника службы охраны, который был там совсем один, словно сам не нуждался в охране. И его глаза, и их выражение, которое она вдруг вспомнила так отчетливо, но совсем не могла объяснить. Это было беспокойство или тревога, это было сомнение или нервозность, это было удивление или что-то еще – но в тот миг, когда он увидел ее, он не был безразличен, и смотрел не как рентген, не как очеловеченная пустота. Она зажмурилась крепче, понимая, что дальше помнит только удар, страх, темноту, темноту – и принялась представлять придумывать то, что произошло, то, чего она не видела. Она представила, как он бросился к ней, как дернул за руку на пол, не заботясь о том, ударится она или нет, понимая, что гораздо хуже ей придется, если она останется на ногах, о том, как прикрыл ее, как руки его обвили ее голову, пряча ее, словно птица птенца, словно мать младенца от летящих искр, осколков, которые летели, конечно, внутрь зала, странно как-то, зачем тогда… но неважно, он прикрывал ее, и она дернулась, и он приказал лежать спокойно, но в ее воображении совсем не так резко, как ей помнилось, и в его голосе не надрыв, не хрип, а полное спокойствие, уверенность, ведь ее защищал он, а кто лучше него умел защищать? Если в его руках помещалась безопасность всей

огромной Объединенной Евразии, разве одна женщина не могла поместиться? Что ей могло угрожать, если так заботился о ней сам Герман Бельке, воплощение идеи безопасности, борьбы против всего плохого, что только могло случиться в этой стране? Она не помнила, но представляла его тело, которое казалось огромным, спаянным из несгораемого металла, не подверженного бурям, ни внешним, ни внутренним. И этот сверхчеловек, эта идея вжимала ее в пол, защищая ее голову, ее тело, каждую ее клеточку. И от этой воображаемой тяжести, от запаха его одеколона, от ощущения мягкой шерсти его пиджака внутри у нее вдруг рождалось что-то сродни религиозному экстазу.

Внезапно ей стало тепло и очень спокойно от этого ощущения, которое она себе вообразила. Он ходил без охраны, поняла она, потому что он сам был охраной, он был тем, кто все эти годы защищал их – и ее! А она-то, глупая, при встречах опасливо отводила глаза, она боялась его, да теперь можно сознаться, она все эти годы где-то в глубине души боялась его, ассоциируя с тем пауком, что так надругался над ее душой перед смертью ее мужа. Но нет, нет, он совсем не таков, потому, что, как бы ни был он страшен, бесчеловечен, он делал все, чтобы защитить их, и она почувствовала как страх постепенно проходит.

Дальше было не интересно фантазировать – потом их разлепили или он ушел сам, поспешил спасать кого-то еще, разбираться с тем, что произошло, а она оказалась на диване в кабинете, и был Арфов, может быть, его жена или журналисты, хотя нет, они, наверняка, все кинулись к крематорию в надежде на более вкусный материал, потом там был еще Дима, который методично и спокойно перебинтовывал ей руку, проявляя свой скромный и совсем не успокаивающий героизм. Все это было так обыденно, так кисло, что, чуть нахмурившись, она вернулась мысленно к началу эпизода, к тому, как они стояли на балконе, вдвоем, так близко – теперь она думала, что ей стоило с ним заговорить – а что такого? Ей стоило подойти к нему. Сейчас она бы так и сделала. Улыбаясь, она все прокручивала в голове этот вымышленный разговор, каждый раз добавляя к нему новые, причудливые, сладкие детали и расцвечивая его все ярче и ярче и делая его все продолжительней, и улыбалась, и, доходя до конца мгновения, до взрыва, начинала все сначала. Она могла бы подойти, улыбнуться, пошутить насчет своего внешнего вида, попросить его помощи, ей почему-то казалось, он непременно улыбнулся бы в ответ, но как ни старалась, она не могла представить себе его улыбки, и жалела, что упустила шанс увидеть это воочию. А потом с каждым повтором она представляла себя все более ухоженной, и растрепанные волосы уже не рассыпаны по плечам, и платье не измято, и тушь не потекла, и она искристо улыбалась, идеальная женщина, попавшая в затруднительную ситуацию, и в ее воображении, обмениваясь шутками, они искали вместе ее туфельку, и находили, и он помогал ей обуться, опустившись на колено, так аккуратно, так заботливо, и даже не совсем без эротического подтекста, а потом поднимался, смотрел ей в глаза, и улыбался, и в глазах была не пустота, а человек, которого она успела разглядеть за ту секунду, что он осознавал, кто перед ним, и он стоял и смотрел на нее, и никакого взрыва никогда не было, и все было идеально в этом ее мирке, все было хорошо.

В какой-то момент, она даже не поняла сама, как это произошло, в какой-то момент, ее напряженное лицо расслабилось, веки чуть приоткрылись, оставляя узкую полоску между ресницами, руки расслабились, губы чуть улыбались – и она крепко уснула.

И во сне она снова стояла на балконе. Босая стояла, прижимая туфлю к груди, а кто-то стоял у парапета, курил, и она бросилась к нему, торопясь предупредить, что сейчас прозвучит взрыв, и сказать, чтобы он что-нибудь предпринял, помешал этому произойти, но вот уже он оборачивается, и сквозь неожиданно окутавшую балкон тьму проступает лицо, знакомое лицо ночных кошмаров. Она замирает, пытается отступить на шаг, скрыться, но Вельд подходит, такой же как был всегда, самоуверенный, огромный, с тонким носом и пухлыми губами, и прядка темных волос как всегда падает на его высокий лоб, и вьется, вьется по лицу, словно

червяк, и он протягивает руки, огромные руки, которые, кажется, могут сжать ее между двумя пальцами. Но он улыбается, распахивается, и она думает, это же мой муж, чего я боюсь, он улыбается, и она подходит, и она прижимается к нему, это же мой муж, это можно, можно обнять его, можно целовать, и как хорошо, что это именно он, можно не стыдиться, их же даже венчали в церкви, Богу, в которого она временами так слабо верила, угоден их союз, и она прижимается к нему, и думает, надо было родить ему сына, но мысль об этом кажется какой-то ужасной, мерзкой, и она инстинктивно пытается отшатнуться, но его руки уже сомкнулись за ее спиной, и к его широкой грудной клетке ее прижимает с огромной силой, словно она попала под пресс, и он давит, давит, а она пытается вырваться, задыхаясь, мне больно, больно, больно, кричит она, но он молчит, и по его лицу уже ползут червяки, а лицо гниет, рассыпается и только огромная улыбка-оскал никак не сходит с мертвеющих губ, и вдруг, словно ниоткуда берутся еще две руки, откуда у него еще две руки? – и они начинают душить ее, и она слышит, как хрустят под прессом кости ее грудной клетки, как умирает в ней сердце, как горло сдавило, и вдруг понимает, что он вовсе не пытается ее прикрыть, в тащит прямо к парапету, к тому месту, которое через мгновение должно окрасится кроваво-красным, чтобы сжечь ее глаза и то, что еще останется от нее, когда он раздавит ее своей мертвой любовью, когда задушит связывающей их нитью судьбы, он сожжет ее, и она кричит, хрипит, а он беззвучно шепчет, но она слышит его – лежи смирно, лежи смирно, лежи…

***

Кто-то схватил ее за плечо и она, вдруг смогла закричать, хотя еще секунду назад ее горло было сжато рукой мертвеца, и она, вскинувшись, начала отбиваться и закричала снова, почувствовав прикосновение к запястьям – кто-то пытался остановить ее руки, и только тут она поняла, что глаза еще закрыты. Моментально она распахнула их, чтобы начать хотя бы кусаться, для этого же надо было видеть врага, и подалась вперед, и вцепилась зубами в чье-то плечо, и услышала протестующий вскрик, и только тут поняла, что уже некоторое время слышит, как кто-то повторяет ее имя. И еще спустя секунду увидела знакомое лицо и опознала голос – это был Дима, всего лишь Дима. Запыхавшийся, усталый, без очков, которые она, видимо сбила с его носа… Это было так забавно, что она вдруг истерически рассмеялась, и, обессилев, рухнула на постель с трудом понимая, что он говорит.

– Ада, прекрати, успокойся, Ада, Ада, Ада, девочка моя, ну хватит, тише, тише… – он городил такую чушь, что ей снова стало смешно – и от этого недавний кошмар вдруг растворился, растаял. Не до конца, шрамом остался на грани сознания, но уже не тревожил и почти не ныл. Зато вдруг заныла рука, и Ада задалась вопросом, обо что же она так сильно могла порезаться, если осколки летели внутрь, а он защищал ее свои телом, но это… это можно будет обдумать потом, когда останется одна, потому что это же тоже часть сказки, которая, как оказалось, помогает засыпать. Незачем делиться сказкой с Димой, едва ли он оценит, что прикосновения другого мужчины – пусть и воображаемые, пусть и не совсем мужчины, а идеи – приносят ей такое успокоение.

– Дай мне сигарету, – выдохнула она, игнорируя его попытки поцеловать ее, погладить по голове. Он вдруг начал вызывать в ней какую-то инстинктивную неприязнь, которая постепенно перетекала в отвращение. Она отвела глаза, чтобы не видеть его лица, которое отчего-то сейчас жутко ее раздражало. Где-то в глубине души она признавала, что это было неправильно, нечестно и просто жестоко – потому, что несмотря ни на что, он, кажется, ее любил, но она ничего не могла с этим сделать – как отменить свои ощущения? Разве что притвориться, что этого всего нет – и пока будут силы притворяться, она, конечно, именно так и станет себя вести. Оборвала мысль – она касалась будущего, а про будущее Ада думать не любила. Потом,

однажды, это все как-нибудь само собой разрешится, но зачем сейчас думать о том, как ей будет стыдно, а ему больно? Нет, сейчас об этом думать не следовало.

Покорно он протянул ей сигарету, стараясь заглянуть в глаза, но она аккуратно отворачивалась, прячась за дымом, за курением так, чтобы это не показалось нарочным.

– Кошмар приснился? – Осторожно спросил он, наконец. – Ты так хрипела во сне, как будто задыхаешься.

Она вздрогнула и поежилась.

– Приснился, – поджала губы, ставя точку.

Он вздохнул, скинул ботинки, забрался на кровать, не раздеваясь, игнорируя тот факт, что от его одежды несет гарью, потом и грязью, и потянулся к ней. Ада отстранилась.

– Ффф… может тебе стоит сходить в душ? Пахнешь отвратительно, – она смутилась и ощутила такой укор стыда, что тут же позволила себя обнять, вопреки собственным словам.

– Потом. Все потом. Я так устал, ты бы знала, – выдохнул он, прижимаясь губами к ее макушке, а она напряженная, застыла в кольце его рук, радуясь, что так он не может видеть выражение ее лица, морщась от запаха и ощущения грязи. Надо потерпеть, сказала себе – чуть-чуть. А потом попробовать снова.

– Что там было? – Спросила просто потому, что все равно же расскажет. Спросит она или нет, его явно так распирало от желания поделиться, что, хочет она того или нет, выслушать придется. Так зачем тянуть?

– Что… Преисподняя, что же еще. Все разрушено. Я такого в жизни не видел, – он выдохнул, прижимая ее к себе как куклу. – А я же врач. Но это… – он махнул рукой, и она почувствовала привычное раздражение от того, что он не мог объяснить. Все ее мужчины всегда владели словом, обманывали, конечно, плели сладкие песни, и это было неприятно, но слушать ей всегда нравилось, даже если она подозревала, что за словами нет ничего реального. Это было частью ее историй любви – она верит, он, кем бы этот «он» ни был, умеет словами поставить ей сети, загнать ее в ловушку. А Дима так не умел. И эта его «ущербность» тоже ее раздражала.

– А что произошло? – Спросила без особой надежды, раскачать его словоохотливость было почти нереально, но что-то же нужно делать. Она смотрела на его мягкие руки, сейчас в копоти и грязи, скрещенные под ее грудью.

– Взрыв, – коротко бросил, но она почувствовала, как под ее плечом напряглась его грудная клетка, словно ему понадобилось набрать больше воздуха, или вытолкнуть это единственное слово стоило больших трудов. Почему? Потому что не умел разговаривать? Но не настолько же, она называла его косноязычным только в сравнении с истинными мастерами обмана, говорить-то он умел. Так почему? Потому что был так потрясен? Она запуталась. Этот мужчина еще неделю назад уверенно вещал – правда, в темноте спальни и на ушко – о старческом слабоумии лидера страны. Этот мужчина оказался смелым настолько, что заговорил об этом не с ней, а с ее агентом, известным своей лояльностью. И тут вдруг…

– Не держи меня за идиотку, – сердито бросила Ада, отстранившись от очередного прикосновения к голове. Что он, в самом деле, принимает ее за маленькую девочку – нет, порой это приятно, если вспомнить, что она старше и сколько ей лет, но когда речь идет о серьезных вещах – это она, а не он, хоронила самоубийцу-мужа. Как минимум.

– Что там произошло? – С нажимом повторила вопрос, ловя его взгляд. Не то, чтобы ей так уж важно было знать – просто раздражало его сопротивление. Хотелось выжать из этого камня все до капли, просто сжав его рукой.

– Хорошо. Но это пока должно остаться между нами… слышишь? Никому, даже Илье Александровичу этого не передавай. Говорят, взрыв устроила Елена Горецкая, не делай такое лицо, ты не можешь не знать. Старшая дочь. Ты видела, она весь день стояла у гроба – нервная, я еще обратил внимание, но подумал, это так естественно, все же отец… И вот якобы она принесла бомбу в сумочке – ее, конечно, не проверяли, и, когда тело должны были отправить

в зал кремаций, взорвала себя. Это был первый удар, небольшой и тихий довольно, разве что ты его могла слышать, если была на балконе, а в зале мы даже и не подозревали… Но там начался пожар, как-то моментально начался. Словом, в крематории хранились запасы горючего и огнеопасные окрашивающие вещества, и… – Он поджал губы – она спиной почувствовала эту гримасу и закрыла глаза. Как ни пыталась отворачиваться, он все равно был перед глазами.

Она нахмурилась и вызвала в памяти облик пятидесятилетней женщины с паникой в глазах, женщины, которую она так откровенно провоцировала, так издевалась над ней сегодня, и мгновенно у Ады по спине пробежали мурашки – а что если бы она сказала что-то невпопад и спровоцировала агрессию раньше? То есть уже тогда, когда они разговаривали, эта старая дура знала, что убьет себя, знала, и смеялась, должно быть над собственными словами, над Адой Фрейн, устроившей глупое шоу, хотя… как смеялась? В таком состоянии разве смеются.

– Но понимаешь в чем дело… там же все было разрушено – все! Зал, в котором происходило прощание, просто выгорел, полностью. Кто-то решил, что разумно хранить запасы горючего прямо под залом для прощаний, это отдельный вопрос, зачем так поступать, хотя, кто бы мог подумать. Но вот что странно, рядом с гробом слепая зона видеонаблюдения – я слышал, как об этом говорили охранники, именно поэтому их туда пригнали дежурить. А я-то удивлялся, что за почетный караул, когда все давным-давно оборудовали камерами наблюдения, как будто мы не в двадцать первом веке. Ему бы это не понравилось, покойнику то есть, он же всегда был за модернизацию и прогресс, а тут такие порядки…

Она чуть пожала плечами, не понимая, к чему он это все говорит.

– И что? Ну, слепая зона, ну, поставили охрану…

– Как они узнали, что это она? Я имею в виду, не осталось же никаких записей и свидетельств, никто не может сказать – я видел, как это произошло. Все, кто был внутри, погибли. Ее останки до сих пор не обнаружены, как и ее матери, а те, кого мы нашли, их же просто невозможно идентифицировать. Но об этом в ближайшее время объявят официально, и Бельке…

– Бельке? – Она встрепенулась, это имя вызывало у нее реакцию… как у охотничьей собаки команда, наверное. Она чувствовала, как ее воображаемые охотничье-собачьи ушки прижимаются к голове.

– Да, он там был, конечно. Прибыл еще даже раньше медбригад. Там оцепили все, внутрь никого не пускали – а мы помогали раненным на улице – тем, кому еще можно было помочь. Его ввели в заблуждение или я не знаю, что…

– Послушай, ты доктор, а не следователь, конечно, ничерта ты не знаешь! – Она сорвалась.

Подумала в ярости – если он еще раз дотронется до моей головы, я закричу. Вырвалась из его мягких рук, встала. Тряхнула головой, злая, и, наконец, имеющая возможность высказать свою злость. Повод и сам по себе был достаточно раздражающим, как он посмел сомневаться, как он вообще посмел подумать, что служба охраны может чего-то не учесть, что Германа Бельке кто-то может ввести в заблуждение после того, как сегодня он практически спас ей жизнь, она и сама не заметила, до каких масштабов всего за несколько часов вырос его поступок. Но Дима, в любом случае, не имел никакого права сеять в ней сомнения или выражать несогласие. Он даже говорить о Германе Бельке, даже думать о нем не имел права.

– Откуда тебе знать! Они профессионалы, они знают, о чем говорят, и едва ли ошибаются. Я говорила с этой женщиной, я стояла рядом с ней добрых десять минут, а она в это время держала бомбу, она могла психануть и взорвать меня! Я могла умереть! Но тебя беспокоит только то, что ты не понимаешь, как работают спецслужбы. А по-моему, они огромные молодцы, раз так быстро смогли разобраться в ситуации. По-моему это признак профессионализма, а ты ничего не понимаешь, и не тебе судить. И лучше бы ты подумал обо мне и от том, как я добиралась до дома, и о том, что я тут не смогу спать после сегодняшнего, и что, если усну, меня будут мучить кошмары! Но конечно, твой врачебный-якобы-долг важнее.

И вдруг почувствовала, что вся просто переполнена яростью, словно внутри у нее огненный меч, и лезвие его рвет ей внутренности, и нагревает кровь, и она принялась ходить по комнате, чувствуя, что ей нужно, физически нужно разбить что-нибудь, растоптать, пусть бы какую-нибудь глупую вазочку, пусть человека, сидевшего на ее постели и ставшего вдруг не важнее какой-нибудь глупой вазочки.

– Я вообще не понимаю, что ты там делал, если людям было не помочь. Просто, по-моему, это еще один способ показать, как тебе на меня наплевать, и… – она подавилась вдохом, словно возмущением, резко развернулась и стремительно ушла в ванную, громко хлопнув дверью. Нужно было уйти, пока она не уничтожила что-нибудь, о чем потом придется жалеть.

Заперлась, прижалась к двери ней спиной и стояла так минут пять, тяжело, словно после бега, дыша. С Вельдом такие фокусы не проходили, вспомнила вдруг. Вельд бы уже ломился в дверь, да и так орать он бы ей не позволил, одним своим окриком заглушил бы ее долгие тирады. Но Вельд был мертв, а то, что с тех пор было предоставлено в ее распоряжение, ни на секунду не могло сравниться с покойным мужем. Не придет, подумала Ада, не придет он за мной. И не станет стучать, и кричать не станет, звать, пытаться вытащить отсюда, чтобы встряхнуть за плечи, вперится взглядом в глаза, подминая мою волю, не придет, чтобы ударить, не придет, чтобы встать на колени, обнять мои ноги и просить прощения. Ни на что его не хватит, глупого мальчишки. И не вопрос даже, чем она его так зацепила, вопрос, ей-то зачем эта спокойная, пенсионная семейная жизнь? Ей, еще не такой старой, не такой уставшей, зачем это подобие мужчины?

Закрытые глаза смотрели за веки, сквозь веки, и видели его глупое лицо, и она тихо рассмеялась, так чтобы если что, было похоже на всхлипывание, и удивилась сама своему смеху и своей предусмотрительности. Что ей за дело, разве важно, что он там подумает, но накидывать на любое свое чувство маскировочную сетку давно стало ее потребностью, ее профессиональным достижением. Иногда эмоции оказывались слишком сильными, слишком непредсказуемыми, чтобы она могла контролировать их или успевать что-то исправить, но каждый такой эпизод она считала своим личным поражением. С чужими людьми она как могла старалась не быть самой собой, и то, что Дима неожиданно, по ей самой неведомой причине, оказался среди тех, при ком нужно притворяться, о многом говорило.

Открыла глаза, снова улыбаясь зеркалу, и только глаза ее не улыбались, отметила про себя. Актерское мастерство не могло научить ее быть счастливой, когда внутри все рвется от боли, не могло принести покой сжавшемуся от страха внутреннему ребенку, но, разумеется, помогало притвориться, что она счастлива и спокойна. Деловито, спокойно, она начала наполнять ванную теплой водой, добавила бархатисто пахнущей пены, разделась, кинув на себя в зеркало торжествующий взгляд. Все же ее красота служила утешением. Можно любоваться собой, не на экране, не на фотографиях, не на рекламных плакатах, а вот так, в одиночестве, отмечая все достоинства, закрывая глаза на недостатки. Она плохо спала, плохо ела, старела, разумеется, но сейчас ее широко расширенные глаза, раскрасневшиеся от злости щеки – это было красиво. Провела руками по бокам, по похудевшим бедрам, нужно будет подумать о рационе, нельзя так худеть. В прошлом веке, она отчего-то помнила, женщины убивали себя, худея чуть ли не до костей, но войны и потрясения прервали эту пагубную практику, в моде снова была плоть, а не болезненность, и ей следовало немного поправиться, а так она все еще оставалась прекрасно сложенной молодой женщиной.

Словно дарохранительницу, погрузила себя в воду, мягко пахнущую воду, бедра, ноги, спину, блаженно потянулась. Ванная была переполнена зеркалами, иногда это угнетало, когда хотелось спрятаться от самой себя, но чаще всего – бодрило. И теперь, смотрела то на свое отражение, то на выступающие из воды гладкие колени, чувствуя, словно вернулась домой, к самой сути себя, сути вещей, и никто не был ей нужен.

Повязка на руке только мешала, и она осторожно сняла бинт, пусть останется шрам, пусть, на память, пусть у нее будет что-то свое, личное, пусть этот вечер останется навсегда выгравированным на ее коже, и она уже представила, как спустя время будет касаться тонкой белой полоски на предплечье и вспоминать, и улыбаться тайной улыбкой, о которой ее станут спрашивать репортеры, которую будут пытаться разгадать зрители – и никто-никто не узнает, что на самом деле, это память о сказке, которую она сочинила для себя этой ночью.

Ее мысли ушли далеко-далеко от оставшегося в спальне мужчины, который, как она думала, тяжело переживает их ссору. Он был виноват перед ней – вот пусть и почувствует это получше. Она же расслабилась, закрыла глаза – актриса, идеально разыгравшая скандал, чтобы он больше не трогал ее, больше не гладил по голове, а главное, не говорил ей глупостей. А Герман Бельке все правильно понял – она отчего-то была абсолютно в этом уверена – никто не мог ввести его в заблуждение. С таким человеком рядом можно ничего не бояться, и ей стало так стыдно, что она не знала раньше, о том, как близко к сердцу он принимает жизни и здоровье граждан страны. Иначе быть не могло – нельзя броситься к человеку, прикрыть его собой, если не принимаешь близко к сердцу его судьбу. Сладко-сладко внутри сквозила мысль о том, что, может быть, будь на ее месте кто-то другой, он бы не повел себя так, но это и не имело особенного значения.

Спустя время, выбираясь из ванной, кутаясь в широкое, мягкое – и как это Норе удавалось превращать обычные жесткие полотенца в такую прелесть? – она вдруг подумала о Диме, от которого не слышала ни звука. Сколько она провалялась в ванной, она не знала – но вода успела остыть, и он уже давно должен был как-то проявить себя. Поскрестись в дверь, как нашкодивший щенок, она презрительно улыбнулась, скорее всего. Или постучать, как разъяренный мужчина, что маловероятно, конечно. Но не было ничего. Ни звука.

«Он меня бросил», – вдруг поняла она, неторопливо вытирая волосы полотенцем. – «После того, что произошло, он обязан был меня бросить».

Это было бы так логично, так естественно. Сколько еще он может терпеть? Он ушел – и она выйдет сейчас из ванной и увидит пустую комнату, разоренную, разворошенную – и ни одного его пиджака в прихожей, ни одной его рубашки, ничего. Квартира будет смотреться сиротой без мужчины, опрокинутая, изнасилованная. Он ушел, бросил, подумала, выдыхая и чувствуя облегчение пополам с какой-то непонятной тоской. Опять все вышло так, но хотя бы никто не умер на этот раз, хотя бы… Ада вышла из ванной, накинув все тот же светлый пестрый халатик, уже готовая заплакать от жалости к своей не сложившейся счастливой жизни, хотя его уход и стал бы для нее облегчением. Вышла – и застыла в проеме двери, держась за косяк и глядя на кровать.

Он спал. Как младенец, подложив руку под щеку, спал прямо в одежде на ее половине кровати. Спал и тревожно хмурился во сне. Спал…

Она ощутила, как внутри что-то оборвалось, надежда или что? Совесть?

Ада чувствовала себя обманутой, словно он что-то ей обещал, она чувствовала себя бессильной, она чувствовала презрение. И подумала – «я сама его брошу». Еще чуть-чуть, еще только один эпизод, чтобы решиться наверняка, и все будет кончено, и плевать, что она опять выйдет виноватой. В горле застрял ком. Она тряхнула головой, понимая, что скорее умрет, чем позволит ему еще раз дотронуться до своих волос, и пошла на кухню варить кофе. Ложиться уже не имело смысла – небо на востоке начинало светлеть, не говоря уж о том, что спать ей совсем не хотелось.

Она выпила кофе, привела себя в порядок, накрасилась, оделась, рассмотрела себя в зеркале – достаточно ли хорошо замаскированы следы усталости? – накинула пальто, подхватила сумочку и телефон, и ушла из дома. Так тихо, так быстро, он даже не проснулся.

***

Идти некуда – завтракать в кафе одной слишком тоскливо, а друзей у нее практически не было. Вероятно, это было совсем уж глупостью выходить одной в такое тревожное время. Но утром она чувствовала себя в безопасности, может быть, потому что основные кошмары ее жизни происходили по ночам. Она шла по мокрому, еще в снегу тротуару, глухо цокая каблуками, и вдыхая мягкий утренний воздух – очевидно, сегодня должен был родиться теплый день – подогретый вчерашним взрывом. Она задумалась об этом, ощутив, что ей кажется, что взрыв прогремел три миллиона лет назад… ну то есть очень-очень давно. Она шла, бесцельно, спокойно, не чувствуя холода и недостатка сигарет, оглядывая высокие, серые в утреннем свете здания города, выстроенного в одном цвете, гармоничного, идеального.

Новая Столица была построена уже после ее рождения, на месте одного из старых европейских городов. И кто теперь закончит придание единства облику страны, кто доделает перестройку старых городов, начатую Горецким? Идея безумная, расточительная, смелая – создать города в одном стиле, в одной геометрической правильности, соединить их прямыми ровными дорогами, соткать стеклянно-хромированную паутину, победить трущобы, антисанитарию, грязь, перенаселенность одних районов и запустение других, победить безработицу. Идея гениальная. Когда поднялся визг и вопль – она этого уже почти не помнила – об истреблении памятников и исторического облика, Первый Президент, тогда еще живой и энергичный, резонно ответил, что между культурой и комфортом людей, он выберет людей. Культура в головах, прошлое в головах, уверенно говорил он, а не в груде камней, которые давно пора сравнять с землей. Если бы ОЕ обладала большей территорией или меньшим населением, можно было бы подумать о сохранении этих резерваций. И что-то такое дальше. Ада не оценивала это критически. Вообще не оценивала. Ее собственный город начали перестраивать, когда ей было десять, а закончили, когда она уже оттуда уехала. Она не спорила – просто шла по Столице, залитой светом утреннего ласкового солнца, которое пока никто не брался переделывать, чувствуя как холодеют щеки и зная, что от ходьбы и улыбки, на них выступит прелестный румянец, который очень порадовал бы Арфова.

При этой мысли она огляделась и поняла, что сама не заметила как дошла до его офиса. Было это не так уж плохо – там ее напоят вкусным кофе и выслушают, если ей придет в голову чем-то поделиться. Арфов трудоголик и никогда не опаздывает, а подождать на удобном диване в приемной, куда ее, конечно, пустят, вовсе не самая плохая идея.

На улице никого не было – то ли слишком ранний час, то ли слишком поздний – а вдруг все уже были на работе? А может быть, сегодня объявлен выходной? Она редко выходила на улицу раньше полудня. Подняла голову, рассматривая высокое, красивого жемчужного оттенка здание, окруженное стеклом и металлом. Таких зданий было в городе великое множество, но номер дома и название улицы, не давали ошибиться. Ада поднялась по ступеням, постучала в стеклянные двери, которые не хотели открываться, лучезарно улыбнулась заспанному охраннику. Он торопливо поздоровался, слегка порозовев от ее приветствия, долго извинялся, объясняя, что сейчас еще очень рано, и в офисе, наверное, никого, он сменился в пять утра и с тех пор никто не приходил, но ей он, конечно, даст ключ, любой ключ, все, какие есть, ключи. Она рассмеялась, покачала головой, наслаждаясь тем, что ее узнали, отметилась сигналом сотового в электронном реестре посетителей, расписалась на книге, которую он читал – какой-то порнографический детектив, как она поняла, – пожурила его за то, что пускает всех, кого ни попадя, а ведь сейчас в стране неспокойно, выслушала торопливые заверения в том, что она не кто-то там, а самая что ни на есть, поднялась на лифте на двадцатый этаж, подошла к знакомой двери – точно такой же, как все остальные двери, вставила ключ в замочную скважину…

Дверь оказалась незапертой, и офис, вопреки домыслам охранника, не пустовал. На диване в приемной, укрывшись тонким пледом, дремал Илья.

Аду почему-то позабавила его поза – почти такая же, как у Димы, с щекой лежащей на пухлой ладони. Мужчины как дети, когда спят, – подумала она, и отогнала от себя мысль о том, в каких монстров они превращаются, просыпаясь. Тихо прокралась в комнату, где-то за секретарским столом обнаружила кофеварку, сделала две чашки крепкого и без сахара напитка, поставила на поднос и с торжественным видом понесла ему – своему агенту-хранителю, своему крестному отцу в этом бизнесе.

– Доброе утро, любимый, – проворковала, присаживаясь на край дивана и осторожно держа поднос так, чтобы Арфов ни в коем случае его не сбил, если вздумает просыпаться, вскакивая и размахивая руками.

Предусмотрительность оказалась не лишней – от звука ее голоса он подскочил с перекошенным ртом, чуть не выбил поднос из ее рук – и несколько мгновений на его лице читались все эмоции, вся его внутренняя сущность – как всегда у только-только проснувшихся людей. Именно поэтому, наверное, таким испытанием становится совместная жизнь, подумала она, протягивая ему кофе.

– Ада? Ты что здесь делаешь?

– Просто пришла проведать любимого мужчину, – шелковисто произнесла она, поправляя волосы. – А ты почему спишь здесь?

Но он мог и не отвечать. Наверное, Майя опять выставила его из дома вчера ночью. А идти ему – как и ей – было больше некуда.

– Так… вышло, – бросил он, подозрительно глядя на ее сияющее лицо и делая глоток кофе. – Ты отвратительно готовишь, ты знаешь? Я бы не взял тебя работать секретаршей.

Она рассмеялась, склонив голову к плечу.

– Не будь таким занудой. Мне и не нужно уметь готовить, пока я умею делать кое-что получше.

– Да. Но такую тебя замуж точно никто не возьмет, – пробурчал он, и продолжил ворчать. – Нет, ну как тебе удалось испортить кофе в кофеварке? Там же всего только и надо нажать две кнопки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.